

*Галина
Полякова*

**Курортный
роман
с продолжением**

Галина Полякова

Курортный роман с продолжением

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11282471

Курортный роман с продолжением / Полякова Г.: ИП Ракитская Э. Б.

(R)«ЭРА»; Москва; 2015

ISBN 978-5-00039-146-4

Аннотация

Тема любви всем интересна и всегда актуальна. Кто только ни пытался постичь этот удивительный феномен – любовь мужчины и женщины. Романтики воспевали и обожествляли любовь, рационалисты пытались разложить ее на составляющие элементы. Но никому не удалось синтезировать любовь, искусственно создать ее. Возникновение любви так и осталось величайшей загадкой жизни. Никто не смог объяснить, из чего сотканы ажурные лепестки этого сказочного цветка с божественным, всегда неповторимым ароматом. И почему цветок этот вдруг вырастает на скудной каменистой почве в самое неожиданное время, а раскрытие прелестного нежнейшего бутона может сопровождаться оглушительным, а иногда и сокрушительным взрывом...

И всегда ли человек выдерживает и с достоинством принимает все последствия такого взрыва? Не прячется ли порой в комфортную тень привычного и пережитого от ослепительного света нового?

История непростых отношений героев, поведенная автором, еще раз напоминает нам простые истины любви, сформулированные еще Апостолом Павлом «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не превозносится, не ищет своего, все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит...

...Любовь никогда не перестает...»

Содержание

Часть 1. Курортный роман	5
Глава 1. Женские разговоры	5
Глава 2. Вавочка	15
Глава 3. Братья-разбойники	31
Глава 4. Катя	39
Глава 5. Аркаша	47
Глава 6. Маньяк	57
Глава 7. Танцы с маньяком	66
Глава 8. Кефирный шанс	74
Глава 9. Побег	84
Глава 10. Заточение	91
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Галина Полякова

Курортный роман

с продолжением

Часть 1. Курортный роман

Глава 1. Женские разговоры

– Вот вы говорите, что где только ни отдыхали. В Италии бывали, в Испании, даже в Австралию ездили, – раздался под пляжным зонтом грудной голос крупной темноволосой женщины с тяжелым пучком на затылке.

– Да! А еще острова всякие экзотические! – воскликнула хрупкая белокурая девушка, загорающая на соседнем топчане.

– погоди, Лидочка, – остановила ее дородная соседка. – Мне вот интересно, – продолжила она, – что же тогда вас в Турцию занесло? Я хоть и впервые на заграничном курорте, а и то слыхала, что Турция у крутых не котируется. Почему вам-то здесь нравится?

Вопросы женщины с пучком адресовались привлекательной смуглой даме в желтой чалме, сооруженной из шелково-

го платка и перстня с малахитом. Смуглянка сладко потянулась длинными руками в звенящих браслетах:

– Да, как вам сказать, Галина. Турция в мае прелестна. Не жарко, но море уже прогрелось. Публика еще приличная, учебный год не закончился, детей не много. А к крутым я себя не отношу. Мой муж – бизнесмен средней руки, бывают и покруче.

– Боча, волейбол! Волейбол, боча! – разнесся по пляжу звучный баритон местного аниматора.

Красавец турок грациозно шествовал по горячему песку, похлопывая по мячу и приветливо заглядывая под зонты. Увидев Лидочку, он остановился и расплылся в белозубой улыбке.

– Проходи! Проходи мимо! – махнула полной рукой Галина. – Не нужен нам волейбол вместе с твоей бочей.

Парень неохотно оторвал от девушки блестящие маслины в черных опахалах и продолжил шествие, продолжая призывать к волейболу и загадочной боче.

– Что это за боча у них такая? Не пойму, – пожала Галина плечами под полосатым полотенцем. Такими же сине-белыми полосами рябило все пятизвездочное пространство песчаного пляжа.

– Это игра у них какая-то, – лениво проговорила дама в чалме со странным именем Вавочка. – Поосторожней с ними, Лида, – показала она глазами в сторону удаляющегося турка. – Местные ребята горячие, симпатичных блондино-

чек любят.

– Вот именно, – поддержала ее Галина. – Не строй ему глазки-то. Не заметишь, как уговорит и уложит на обе лопатки. Охнуть не успеешь. Вернешься домой с турецким подарочком. То-то родителям радость.

– А одна медсестра из нашей больницы замуж за турка вышла, – упрямо поджала губки Лидочка. – Живут хорошо, двое детей, кафе у них в курортном городе...

– Не выдумывай! – грубовато остановила ее Галина. – Один случай на миллион. Они только поразвлечься норовят с русскими бабами. Не дай Бог еще в горы увезут и отделают всем аулом... или как там по-ихнему?

– И вообще, Лида, незнакомая культура, чуждые обычаи, традиции, – подхватила тему Вавочка. – Русским женщинам нелегко привыкать к здешним порядкам. Наверняка, существует масса проблем с адаптацией в стране с такими яркими национальными особенностями. И ислам – религия непростая, этот фактор тоже нельзя игнорировать.

– Да я ничего такого, я так просто. Он и не нравится мне по-настоящему... – Лидочка перевела виноватый взгляд с изящной Вавочки на монументальную соседку. – Меня дома парень ждет, мы пожениться собираемся, когда его старшим мотористом в порту назначат.

– Вот и правильно. Вот и думай о своем мотористе, а на этих чернявых поменьше заглядывайся. – Галина тяжело-то встала с топчана, устремив взор в сторону пляжного про-

пускового пункта. – Вон она! Явилась, не запылилась. Полотенце получает, сейчас подгребет.

Она помахала рукой элегантной даме в белой шляпе и белом сарафане. Вавочка тоже сделала приветственный жест. Женщина в белом заметила их и подняла в ответ загорелую руку.

Проваливаясь в песок, она направилась к зонту, под которым загорали приятельницы.

– Счастливая! В таком возрасте – и ничего лишнего, – вздохнула Лидочка, глядя на приближающуюся женщину. Она прихватила двумя пальцами кожную складку на плоском животике и озабоченно покачала головой.

– Не гневи Бога, Лидия, – проследила за ее жестом Галина. – Тебе есть побольше надо, а не о ерунде думать. Того гляди, доведешь себя до голодной смерти своими диетами.

– А в каком таком возрасте, Лида? – оживилась Вавочка. – Сколько Екатерине Андреевне, как ты считаешь?

– Ну, не знаю. Где-то около сорока?

– Это много, по-твоему? – с интересом взглянула на нее Вавочка. – А мне сколько дашь?

– Вам? – Лидочка наморщила лобик. – Приблизительно так же или немного меньше.

Вавочка удовлетворенно рассмеялась:

– О возрасте женщин говорить не принято, но среди нас мужчин нет. Мне, милая, уже пятьдесят, и Екатерине Андреевне где-то так же.

– Ну, и мне тогда сколько дадите? – нахмурилась Галина.

– Вам... – Лидочка ненадолго задумалась, – пятьдесят пять.

– Ну, вот еще, – обиженно буркнула Галина. – Мне до полтинника еще года три жить. Это я от полноты старше выгляжу.

– Вас, Галя, прическа немного старит, – осторожно заметила Вавочка. – Вам бы стрижечка пошла, челочка легкая, разряженная, прядями покраситься. Вообще, дамам в возрасте элегантности рекомендуется чаще менять имидж. Это помогает держаться в тонусе, поднимает настроение, освежает и молодит.

– Мой мне такую челочку устроит! Прямо тонусом да по имиджу, – неуверенно улыбнулась Галина. – Прядями и выдирать будет, чтоб не молодилась.

Подошедшая Екатерина Андреевна бросила на свободный топчан пляжную сумку и полотенце. Миловидная улыбчивая дама обладала красивыми, но немного странными глазами. Обычно эти большие серые глаза смотрели тепло и ясно и казались светлыми до прозрачности, но иногда темнели и холодно мерцали, а порой становились почти черными и бархатными. Сейчас они светло и приязненно лучились.

– Привет честной компании. Думала, и на море не успею. – Дама сняла шляпу и рукой взбодрила каштановые кудри. – Где русские, там и очередь. Целая толпа собралась – и всё наши. То ли дело немцы – дуют свое пиво с утра до

ночи и никаких массажей.

– Екатерина Андреевна, а зачем вам массаж? У вас же нет целлюлита.

– Лидочка, мы же договорились – Катя! Или хотя бы Екатерина. Дай побыть молодой еще недельку, – засмеялась женщина и одним движением расстегнула молнию на белом сарафане. Он свалился снежным комком к загорелым ногам. – Массаж мне нужен по другим причинам, – добавила она, подняв сарафан и стряхнув песок с махровой ткани.

– Лида, надо быть деликатней, – заметила Вавочка. – Мало ли, что может быть у женщины, кроме целлюлита...

– Да ничего секретного, – улыбнулась Екатерина. – По работе я много времени провожу за компьютером, а кончики пальцев иногда немеют. Говорят, это позвоночник.

Похлопывая по мячу, красавец аниматор шествовал в обратном направлении и вновь остановился возле увеличившейся женской компании.

– Мадам, не желаете в водное поло? – обратился он к Екатерине на неплохом русском. – Там в команде человека не достаёт.

– О нет, Омер-бей, в бассейн сейчас не хочу. Хочу моря и солнца! Может, позже? – Парень кинул тоскливый взгляд на отвернувшуюся Лидочку и неохотно направился к выходу, часто останавливаясь и оглядываясь. Блестящие маслины затянул матовый налет нерусской грусти. – Лида, да он влюблен в тебя! – засмеялась Екатерина. – Что же он будет делать,

когда ты уедешь? Целовать песок, по которому ты ходила?

— Мы вот и говорим ей, что все эти курортные шуры-муры до добра не доведут, — рассудительно изрекла Галина, подкалывая шпильками тяжелый пучок. — Самые бестолковые — эти знакомства на отдыхе. Закрутят-завертят, а толку чуть. Так сказать, любовь без продолжения. Согласна, Кать?

Екатерина рылась в сумке и не ответила.

— Бывают, наверное, продолжения, но крайне редко, — задумчиво проговорила Вавочка. — В принципе, Галина, вы правы, но какая женщина не мечтает о сказке? О прекрасном принце? Почему-то именно на отдыхе легко стирается грань между мечтой и реальностью. Невозможное представляется возможным, недоступное — достижимым. А очарование воспоминаний? Сомнения, ожидания встреч, ожоги случайных прикосновений, предчувствие счастья, туманы наваждений...

— А я так вообще не признаю шашни на отдыхе! — оборвала ее Галина. — Какие туманы — о бманы? Оправдания для греха всегда найдутся. Незамужним еще туда-сюда, но меру и им знать надо. А уж если семейная, так води себя тише воды, ниже травы! На чужих мужиков не пялься и губы не раскатывай! А то некоторые как увидят море с пальмами, так и забывают «кто я есть и где мой дом». Про штамп в паспорте и не вспоминают. Я бы ни в жизнь без своего не поехала, да врачи море до жары прописали, а у механизаторов весной — самая работа.

– А вы, Галочка, простите, где со своим супругом познакомились? – поинтересовалась Вавочка.

– Я-то? Где-где... – Галина запнулась, неожиданно смутившись. – Так это, на отдыхе вообще-то.

Все засмеялись и удивленно повернулись к ней.

– Где же именно? – не отставала Вавочка.

– На Азовском море. Класс у нас был дружный на редкость, с первого до последнего звонка не расставались, – тепло улыбнулась Галина. – На выпускном девчонки белугами ревели, да и ребята носами шмыгали. Решили сразу не разбегаться, побыть вместе еще недельку, сходить в наш последний поход. Ну, и махнули с палатками на Азов. А мой Петро приходился родней одному нашему однокласснику. Приехал учиться на механизатора и остановился у него. Тот и взял родственника с нами. Там мы и познакомились. Подружились, в городе встречаться начали, а через год расписались. В институт я не поступила и уехала за мужем в деревню. И прожили – дай Бог всякому. Сейчас ферма у нас, хозяйство, дети. Старший уже отслужил, отцу помогает, дочка школу заканчивает, а малявка в четвертый класс пойдет. Такой вот получился у нас Азовский поход со счастливым завершением.

– Вот видите, а говорите! – живо откликнулась Лидочка. – Бывает, значит, и на отдыхе все по-настоящему! Серьезные отношения где угодно могут начаться – на море, в деревне у бабушки, в молодежном походе...

– В наше время, Лида, все было серьезно, – важно молвила Галина. – Молодежь другая была, женщины другие и мужчины.

– И мужчины, Галочка, были разные, и женщины тоже, – лукаво улыбнулась Вавочка. – Все зависит от обстоятельств и силы притяжения...

– Какие еще обстоятельства? Все это притяжение к одному сводится – к измене. Я, например, мужу никогда не изменяла, – и ничего, жива, как видите. И обстоятельства случались, и притягивались всякие по молодости. Но я никого до себя не допустила и не допущу никогда!

– А вдруг любовь? – усмехнулась Вавочка. – Вспыхнет и запылает, как костер.

Галина взглянула на нее с насмешливой снисходительностью.

– А я так считаю вышла замуж – мужа люби, с ним и костры разводи. Пылай себе на доброе здоровье. За соседский забор не заглядывай, не меряй, чье пламя выше да жарче. Почаще в свой костерок полешки подкидывай, тогда и упадет охота на чужой огонек залетать.

– А я бы не стала рассуждать так категорично, – Вавочка посерьезнела. – Можно безумно влюбиться, имея самого замечательного мужа. Я тоже против супружеских измен, но... случилось все же. Причем, в первый же раз, как поехала отдыхать одна, вернее, поплыла.

Женщины с интересом повернулись в ее сторону. Даже су-

ровая Галина не могла скрыть любопытства, пересилившего пафос осуждения.

Глава 2. Вавочка

– Муж был значительно старше меня, но я его любила и ни о какой измене не помышляла, – начала Вавочка свою исповедь. – Замуж я вышла за моего институтского профессора. Он давно вдовел, а его взрослые дети жили отдельно. Влюбилась без памяти еще на первом курсе биофака. Он был необыкновенно интересным мужчиной умным, тонким, незаурядным внешне. Такой, знаете, породистый скакун с серебряной гривой. Подтянутый, энергичный, моложавый и с великолепным чувством юмора. Бывало, читает лекцию и вдруг вставит какую-нибудь хохму. Студенты животы надрыывают, а он с невозмутимым видом ждет, когда утихнут, и спокойно продолжает. Оказалось, что жили мы рядом, поэтому часто встречались в метро. После занятий я иногда специально поджидала его, чтобы ехать домой вместе. По дороге беседовали о всякой всячине, и он провожал меня до моего подъезда. А однажды я его проводила. По дороге он сказал, что сегодня домработница печет к обеду свои фирменные слоеные пирожки с мясом, и предложил отведать их вместе. Приглашение было принято, мы поднялись в квартиру, но до пирогов дело у нас не дошло. Мой любимый профессор сдался уже после аперитива. А через пару недель последовало предложение руки и сердца. Жили мы хорошо, но детей у нас не было. После института я не работала, а супруг

усердно трудился. Но я с ним не скучала – чуть ли не каждый вечер рестораны, театры, концерты, интересные гости. Муж любил меня и гордился моей молодостью и красотой. И была бы я совершенно счастлива и всем довольна, если бы не лето. Ежегодно мы проводили его на даче, в огромном старом доме, доставшемся мужу от родителей. Там никаких театров и ресторанов, а гости – только соседи по даче. Муж целыми днями не вылезал из кабинета – писал книги, статьи, монографии. Он считал лето наилучшим временем для плодотворной научной работы. Всем дачным хозяйством занимались две его одинокие родственницы, а я слонялась по дому и умирала от тоски.

Считала дни, когда закончится мое летнее заточение, иной раз даже плакала. Мой чуткий профессор ужасно переживал и чувствовал себя виноватым. Однажды за завтраком, глядя на мою, уже с утра кислую, физиономию, он не выдержал и предложил мне поехать куда-нибудь без него. Немного развеяться, сменить обстановку, отдохнуть по путевке или просто попутешествовать. Я, конечно, согласилась, но на путешествие в одиночестве не отважилась, и попросила достать путевку все равно куда. Муж повеселел и обещал в ближайшее время все устроить. И случилось так, что в тот же вечер к нам заглянул старичок сосед, тоже ученый, но в области экономики. Они с женой обожали теплоходный отдых и каждое лето бороздили отечественные речные просторы. В тот год они намеревались добраться до Астрахани. Но накану-

не отплытия супруге позвонили родственники, сообщив, что тяжело заболела ее старенькая матушка. Дама срочно вылетела в родной город, посоветовав мужу совершить круиз без нее. Ее путевка пропадала, и сосед страшно расстроился. А мой супруг – напротив, обрадовался и предложил меня ему в спутницы. С этим-то старичком я и отправилась в двадцатидневное плавание в двухместной каюте.

– Не побоялся муж-то? – усмехнулась Галина. – Старички-то бывают отчаянные. Вдвоем, в одной каюте...

– Ну, что вы, Галочка. Не все же мужчины безобразники, – улыбнулась Вавочка. – В нашем кругу люди приличные, интеллигентные, в основном порядочные. К тому же, дедушка – настоящий божий одуванчик. Никаких опасений у мужа он вызвать не мог, даже если бы очень постарался. А вот на теплоходе я и познакомилась с одним мужчиной, точнее, узнала его... Примерно год назад он был гостем нашего дома. Его привез к нам иногородний друг мужа. Я сразу обратила на него внимание и прекрасно запомнила. Но больше он не появлялся. Этот одноразовый визитер оказался нашим соседом по ресторанному столику и тоже сразу меня узнал. Дедушка обрадовался, что я встретила знакомого нашей семьи, более близкого мне по возрасту. К тому же, мужчина этот был неплохо образован и в экономических вопросах разбирался не хуже дедушки. Они очень мило общались, иногда крепко спорили, но всегда дружелюбно. На танцы и на дальние экскурсии старичок мой со мной не ходил, по-

этому с удовольствием поручал меня нашему соседу, когда хотел отдохнуть в одиночестве. По этой причине довольно часто мы оставались с этим мужчиной наедине. На палубе по вечерам стояли, беседовали обо всем на свете, на танцы заглядывали, в кино, в бар. Я и не заметила, как увлеклась им. Было в нем что-то интригующее, некая таинственная двойственность. С одной стороны, никакого эпатажа. Все вполне цивилизованно приятные манеры, развитая речь, ум, интеллект и превосходное чувство юмора. Но при этом ощущался в нем какой-то иной дух. Что-то свободное, вольное, даже бродяжье. Что-то гордое, неукротимое, но пронзительно одинокое, как у вечного странника. Проскальзывала порой в его взгляде какая-то затаенная печаль, какая-то грустная тайна, что завораживало и притягивало меня чрезвычайно.

– Все они путешественники тайные, – сдвинула брови Галина. – Только на уме у них одно! Небось, и приставать начал с грустными глазами?

– В том-то и дело, Галочка, что совсем он ко мне не приставал. Получилось так, что я сама его соблазнила. Держался он, как джентльмен, оказывал принятые знаки внимания, иной раз и комплименты отпускал, но границ никогда не переходил. В какой-то момент я и подумала «Да что же это? Комплименты комплиментами, а на самом-то деле – замечает он, что я молода и хороша собой?»

– А он был красивый? – взволнованно спросила Лидочка.

– Да не сказала бы, Лида. Скорее, обладал каким-то осо-

бым шармом, редким мужским обаянием. А вот фигура – да, великолепно был сложен! И, разумеется, значительно моложе мужа. Впервые с тех пор, как вышла замуж, я оказалась в такой непосредственной близости с интересным молодым человеком. Не скрою – подумала «А каково это – побывать в таких крепких мужских объятьях?» В общем, закружилась моя бедная голова, а он и не замечал, что со мной происходит... Однажды он не появился на ужине. Дедушка забеспокоился и послал меня узнать – здоров ли сосед и не нужна ли помощь? Я и отправилась в его одноместную каюту. Захожу, а он лежит в одних шортах, читает журнал. Вы бы видели, как хорош! Руки, плечи, грудь! Загорелый, мускулистый! Меня аж жаром обдало. Говорю «Что же это вы нас волноваться заставляете? Уж не заболели ли часом? Может, помощь нужна? Хотите, я вам ужин в каюту принесу?» А он с улыбкой отвечает «Вы правы, немного нездоровится, есть не хочу, но от стакана чая не отказался бы». Я пообещала и вылетела из каюты. Заглянула к дедушке, подтвердила его опасения – сосед занедужил, послал меня за горячим чаем, и чтобы старичок не волновался, если задержусь. Сама бегом в бар, заказала чай, принесла и присела рядом. Он поблагодарил и стал пить, а я глаз не могу оторвать от его ног в шортах. Понимаю, что неприлично уставилась, но справиться с собой не могу. Не видела я никогда таких красивых мужских ног. А потом... не знаю, как получилось – протянула руку и... погладила. Он взглянул на меня удивленно, засмеялся,

накрыл мою руку своей и прижал к своему бедру. Ну, и... все произошло. Никогда я не испытывала ничего подобного. Даже представить не могла, что с мужчиной бывает так... хорошо. Дедушка уже седьмой сон видел, когда я вернулась в каюту. Проснулась я безумно влюбленной женщиной и поняла, что жизнь прожила неправильно. Зачем себя обманывать? Ошиблась я, что за старика вышла. Столько лет замужем, а только вчера узнала, что такое любовная страсть. Мужу решила во всем сознаться – он человек умный, широкий, все поймет и отпустит меня на волю. А в голове только одна мысль – как-то мы теперь за завтраком встретимся? А он пришел, поздоровался, улыбнулся приветливо и мирно беседует с дедушкой. Я белею, краснею, сижу – ни жива, ни мертва, а он даже не смотрит в мою сторону. В тот день стоянка была долгой, экскурсии – дальними. Дедушка, как назло, ни одной не пропустил и ни на минуту не оставил нас вдвоем. И мой герой в основном только с ним и общался, а на меня – ноль внимания. Боже, как же я страдала! С нетерпением жду ужина. Если опять не придет – знак ждет меня в каюте. И когда он вновь не появился за столом, поняла, что не зря весь день мучилась. Говорю деду «Все-таки разболелся наш сосед, второй вечер нет аппетита. Вчера-то он очень неважно себя чувствовал, ему бы сегодня отлежаться, а он по экскурсиям бегал. Не проведать ли мне его?». Дедушка кивает «Да уж, Вавочка, не считите за труд, навестите молодого человека, захватите ему со стола что-нибудь. Так без

питания недолго и совсем расхвораться». Прихожу к каюте, стучу – тишина. Ручку подергала – закрыто. Стою с тарелкой под дверью, не знаю – что дальше делать? Вдруг из соседнего номера выходит женщина с маленькой девочкой и обращается ко мне «Нет его. Мы с дочкой с ужина возвращались, а он как раз дверь запирает. Прифрантился и куда-то понесся». Я несколько раз обошла теплоход, все палубы осмотрела, на танцы заглянула, в бар, ресторан, кинозал, парикмахерскую, даже в сауну. Нигде нет, как сквозь землю провалился! Грешным делом подумала «Уж не от меня ли сбежал? Так с борта в воду и сиганул?» Но тут в холл пришла молодежь с гитарами, расселись на диванах и запели туристические песни. Я под села к ним, вроде тоже пою, а сама его каюту из глаз не выпускаю. Понимаю, что веду себя глупо, но уйти не могу. Все напелись до хрипоты и спать отправились, а я осталась. Вдруг слышу – знакомые шаги. Кто-то поднимается из служебного отсека. Сердце – в пятках! Он! Идет, слегка пошатывается, веселый, улыбается и говорит «А я среди наших матросиков друзей встретил, вместе на флоте служили. Замечательно время провели, вспомнили старую дружбу. А вы, Вавочка, что на этой палубе делаете?». Я растерялась, отвечаю «Песни пела со студентами». А он «Песни – это хорошо. Сегодня был тяжелый денек, много ходить пришлось, ножки-то гудят, поди? Надо им отдых дать. И мне пора баиньки. Спокойной ночи, Вавочка. Привет бабушке!». И дверь за собой захлопнул. Вернулась я к себе, старичок мой

еще не спит, читает. Спросил о здоровье больного. Я буркнула что-то утешительное и легла спать. Не поверите – ни на минуту глаз не сомкнула. Все думала... как же это? Все было так чудесно, так прекрасно! Что изменилось со вчерашнего вечера? Может, на что-то обиделся? Вспоминала все сказанные задень слова. Вроде, ничем не обидела. Я уже разводиться собралась – и вдруг такое безразличие, такое ледяное равнодушие. Еще вчера – пламенный вулкан, а сегодня – пепел и остывшая зола. Ничего я понять не могла...

– А что тут понимать-то? – поджала губы Галина. – Сделал мужик свое дело, и свободна! Все они одним миром мазаны. Почему и говорю – не бывает на отдыхе ничего путного.

– Что же дальше? – нетерпеливо перебила ее Лидочка.

– А дальше так. Я не находила себе места, мучилась, переживала, но все оставалось по-прежнему. На ужине он стал появляться, но ел плохо – вилкой в тарелке ковырялся. А я волновалась. Даже на кухню ходила, просила блинчики почаще готовить. Он их очень любил, а пекли их редко. Вел себя так, будто никогда и ничего между нами не было. Опять мы днем на экскурсиях, по вечерам на палубе, в баре, но как дело к отбою «Спокойной ночи, Вавочка. Привет бабушке». К концу поездки я чуть с ума не сошла от этих его слов!

Вавочка замолчала, звучно постукивая ногтями по топчану. Слушательницы тоже затихли, не решаясь ее торопить.

– Тем и кончилось? – нарушила молчание Екатерина.

– Не совсем. Мы были близки еще раз... – Вавочка нена-

долго задумалась и решительно продолжила – Круиз подходил к концу. Я пребывала в отчаянье. Представила, как завтра теплоход войдет в последний порт моего двадцатидневного безумия... мы прощаемся на пыльной асфальтовой пристани. Он благодарит попутчиков за приятное знакомство и чудесно проведенное время. Пожимает руку дедушке, целует мою. Поднимает смеющиеся глаза «Всего доброго, Вавочка, привет супругу». Закидывает на плечо сумку, поворачивается и уходит от меня... навсегда. Навсегда! От этой мысли я пришла в ужас. Как же я буду жить? Как будут проходить мои дни, если не начнутся с его улыбки? Неужели, я больше не услышу этот низкий, хрипловатый голос? Не разгадаю грустную тайну смеющихся глаз? Никогда не дотронусь до сильной, но удивительно нежной руки? Нет! Это невозможно! Я решила поговорить с ним и все выяснить! Стоянка в тот день не предусматривалась, плыли почти сутки, всех слегка укачало. После обеда дедушка решил прилечь, и сосед сказал, что тоже не прочь вздремнуть. Я долго стояла на палубе. Солнце садилось, мимо проплывали подмосковные пейзажи, становилось свежо. Я собралась с силами и отправилась в знакомую каюту. Он сидел у стола и что-то читал. Я и выпалила прямо с порога «Нам надо объясниться!» Он удивленно поднял голову «Объясниться? Нам? Разве между нами существуют какие-то неясности?»

– Во подлюка! – в сердцах бросила Галина.

– Я и выдала все, что на сердце накипело. Спросила – что с

ним произошло? Почему он ко мне изменился? Сказала, что еще в ту, самую первую нашу встречу, почувствовала укол в сердце, и все это время помнила о нем. Что судьба не случайно соединила нас вновь на этом изолированном от мира ковчеге. Она подарила нам еще один шанс, и он не мог не почувствовать это в день нашей близости. Призналась, что думаю о нем дни и ночи и безумно, непоправимо люблю его. А если его смущает мое замужество, то это не преграда. Я на все готова! Разведусь по первому его слову и пойду за ним на край света!

– Как Прасковья Анненкова! Я читала про жен декабристов! – восхищенно воскликнула Лидочка.

– Ну, а он-то что на все это? – недовольно взглянула на девушку Галина.

– Он побледнел, встал, в пол уставился. Потом поднял голову и еле выговорил, что растерян, потрясен, что ничего подобного не ожидал. Сказал, что посчитал все, между нами произошедшее, минутной прихотью избалованной красавицы и даже вообразить не мог, что способен вызвать такие глубокие чувства у столь блистательной дамы. Рассыпался в извинениях, что неверно истолковал мои мотивы, почему и не позволил себе увлечься мной, как я, вне всякого сомнения, того заслуживаю. Просил простить его несдержанность в тот незабываемый вечер, но, тем не менее, остается в прежней твердой уверенности, что он мне не пара и меня недостойн.

– Онегин! «Напрасны ваши совершенства их вовсе недостойн я»! – восторженно отозвалась Лидочка.

– Кобель он, а не Онегин! – сурово оборвала ее Галина. – Смотри, какой благородный. А сам, небось, решил разомле- ла бабенка от качки, почему бы не попользоваться? Сбил женщину с пути и в кусты. Короче, дал вам от ворот поворот?

– Можно и так сказать, – согласилась Вавочка. – Но до- вольно изящно выразил свою мысль.

– А кто он? Кем был, где работал? – задумчиво спросила Екатерина.

– Точно уже не помню. Вроде какой-то чиновник. Но я не могу представить его в гражданской одежде. Он и сейчас у меня перед глазами – загорелый, атлетически сложенный, в тортиках...

– И как же вы разошлись-то? – сочувственно вздохнула Галина.

– Я разревелась, как девчонка, а он стал утешать меня. Обнял, слезы вытирал, слова говорил. И как-то незаметно мы опять в постели очутились. Но все уже было не так. Со- всем иначе. А потом он сказал «Не буду вам голову моро- чить, прелестная Вавочка, тоже хочу быть с вами откровен- ным. У меня есть любимая женщина, и мы собираемся по- жениться. Давно с ней не виделись, вот я и не устоял. Уж очень вы обворожительны. Но если б и свободен был от обя- зательств моих, и тогда не имел бы права разрушать вашу прекрасную семью. С супругом вашим не близко, но все же

знакомы. Превосходный человек и видный ученый. А уж перед женщиной моей я так виноват – впору в церковь идти, каяться. Благодарю за восхитительные мгновения, и будьте снисходительны к грешнику, не сумевшему от них отказаться. Простите великодушно и прощайте».

Вавочка щелкнула зажигалкой, и голубоватый дымок заструился из полных, красиво очерченных губ. Галина разогнала его рукой и откашлялась.

– Вот такая у них любовь, а своего нигде не упустят! И той женщине, небось, лапши навешал, и эту пригрел. Ну, а муж-то как? Обошлось? Дед-то не накеросинил там?

– Ну, что вы, Галочка. Дедушка ничего и не понял. И супруг мой отправился в мир иной, так и не узнав, что я... разлюбила его. Царство ему небесное, хороший был человек. – Женщины следили за наманикюренными пальцами, аккуратно ввинчивающими в песок тонкую сигарету. Когда мероприятие благополучно завершилось, Вавочка продолжила – А я долго не могла забыть мой теплоходный роман. Думала постоянно и вспоминала часто. Разбудил он во мне жажду любви.

Пробовала заводить любовников, но полюбить не сумела. А без этого – какой интерес?

– Но ведь вы вновь замужем? – улыбнулась Екатерина.

– Разумеется. На этот раз выбрала мужчину помоложе, учла старые ошибки. Тоже неплохой человек – интересный, энергичный, успешный. Сначала даже думала, что полюби-

ла. Но вскоре поняла, что отсутствует сам объект моей любви. Бизнес для второго супруга – и жена, и любовница. А там, где у мужчины на уме только деньги, любви не место. Опять я просчиталась. Всего только раз ее и испытала. Не заладилось у меня с этой стороной жизни. Не везет мне с любовью...

– Как же так? – изумилась Лидочка. – Я всегда считала, что все красивые женщины счастливые, и мужа их безумно любят.

– А он любит. По-своему. Как антураж... – усмехнулась Вавочка. – Что толку от такой любви? Каждый день встречи, переговоры, обмывания успехов и неудач. До меня дело редко доходит. А я не собираюсь соперничать с этим проклятым бизнесом, я без боя ему мужа уступила. Только и радости от моего замужества, что в деньгах не ограничена. Болтаюсь круглый год по курортам в гордом одиночестве. Детей со вторым у нас тоже нет...

– Вот так бабы и маются, – мрачно подтвердила Галина. – Вечно мужики что-нибудь придумают, чтобы от семьи увильнуть. Кто под машиной целыми днями валяется, кто с друзьями никак не наиграется, а кто до седой бороды с мамашей своей расстаться не может. Или на деньгах сдвинется, как ваш, например. А еще водочкой балуются. Вот, отец у меня дюже сильно запивал, а мама терпела. Потом не выдержала, развелась, а все одно – не оставляла, жалела. Замуж больше не пошла, а ведь красавица была. С образованием!

Не то, что я – школу закончила и за мужем в деревню поскакала. Правда, потом отец пить бросил, и они с мамой снова сошлись. Решили все сначала начать, да мало что из этого получилось. Обид-то сколько накопилось? Ведь где пьянка, там и бабы. Он и покуролесил, пока пил, потрепал нервы матушке. Помер прошлым летом, вот и вся любовь.

– Были б у меня дети, я бы ни о какой любви не мечтала. Но не дал мне их Бог. И любви не дает. Не заслужила, наверное, – подвела Вавочка печальный итог.

Женщины сочувственно разглядывали красивое молодое лицо и дорогие перстни на ухоженных пальцах. Казались странным, что эта эффектная, состоятельная женщина несчастлива и недовольна жизнью.

– А у вас, Катя, только один сын? – нарушила Вавочка затянувшееся молчание. – Почему же еще детей не завели? Муж не захотел или вы?

– Муж настаивал, а я не решилась. Диссертацией наконец-то занялась, а тут опять пеленки-распашонки. Да и возраст...

– Я давно заметила, – ни к кому не обращаясь, задумчиво проговорила Вавочка, – существует категория женщин, жизнь которых с самого начала складывается почти идеально. Всегда и во всем им сопутствует удача. Они привлекательны, воспитаны, образованы, успешны в карьере, счастливы в замужестве. Обычно они из хорошей семьи, зачатую из благородного рода, где поколения женщин пребыва-

ли в любви и благоденствии. Они будто наследуют счастливую женскую судьбу и передают ее по эстафете своим дочерям. Мужья любят и уважают их до старости. Их дети красивы, умны и здоровы. Жизненные неурядицы и сомнительные приключения обходят их стороной. Они скользят по жизни легко и гладко, не спотыкаясь о ее шероховатости. Мне кажется, что вы, Катя, принадлежите к этому счастливому типу благополучных женщин. Я права?

– Я? – растерялась Екатерина. – Даже не знаю, что и сказать. Семья у меня самая обыкновенная отец – заводской инженер, мать чертежница. Жили они согласно, но небогато. Оба из крестьянских родов, которые вряд ли благоденствовали. Замуж я вышла поздно, но муж действительно хороший и сын неплохой. Карьера средняя – защитилась уже после сорока. Как видите, ничего особенно сладкого и гладкого в моей биографии нет. Все как у многих. И далеко не с самого начала задалась моя женская жизнь. И спотыкалась не раз, и приключений на мою долю хватило.

– Вы шутите, Екатерина Андреевна? – вскинула брови Лидочка. – Вы и приключения? Вы на мою классную ужасно похожи. Тоже симпатичная, улыбчивая, никогда на нас не орала, но мы ее почему-то побаивались. Веселая, как и вы, но внутри строгая и немного чужая. Близко к себе не подпускала. В общем, такая же правильная была женщина.

– Правильными не рождаются, – улыбнулась Екатерина. – Но все были молоды, и все совершали ошибки...

– Ошибки ошибкам рознь, – рассудительно заметила Галина. – Ты, Кать, живая, общительная, но не легкомысленная. Не знаю, как там насчет родов и предков, но женщина самостоятельная и цену себе знаешь. Спотыкалась и ты, конечно... кто без греха? Но руку дам на отсечение – за мужиками по курортам не таскалась и любовь на ночном берегу не крутила. Не того ты поля ягодка и не того полета птичка. Я редко в нашей сестре ошибаюсь.

– Вы так думаете? – усмехнулась Екатерина. – А вот и ошиблись, Галочка. Главный роман моей жизни начался именно на курорте, и самого главного мужчину я встретила на побережье Черного моря.

– Вашего мужа? – глаза Лидочки зажглись.

Вавочка с интересом повернула голову, а Галина присела на топчан, приготовившись слушать.

Глава 3. Братья-разбойники

– Я много денег с собой никогда не беру и трачу их осторожно. Вдруг номера купюр переписаны? – донесся слева приглушенный мужской голос. – И потом, никто не ожидал, что придется стрелять...

– О боже! Неужели, вы попали в кого-то? – ужаснулся в ответ взволнованный женский голос.

– Без понятия. В такой суматохе все происходило... но кассу взяли приличную. Хватит погулять месяца на три. Так что, мадам, сегодня вечером я к вашим услугам.

– Ах! Как же так можно? Я даже не представляю...

– А вам и не надо представлять. Вы ни в чем не замазаны. Это наше с братишкой дело. Сами отстреливаться будем, ежели что.

Катя повернула голову, разглядев говорящих сквозь солнечные очки. Темноволосый мускулистый мужчина с усами и бородкой откровенничал с загорающей рядом блондинкой в широкополой шляпе.

– Не поверите, мадам, я как увидел ваши глаза, сразу понял вы – та самая женщина, которой можно все рассказать без утайки. Душа-то болит, я ж человек все-таки.

– Ах, зачем же вы стреляли в людей? Неужели, нельзя было обойтись без этого? – волновалась блондинка.

– Вас только это беспокоит? А то, что мы кассу взяли – ни-

чего? Это, по-вашему, нормален? Людей без зарплаты оставили. Злыдни мы, нелюди, вот что я вам скажу, мадам. А трупы? Кто знает, может, ни в кого и не попали? Может, кто и остался в живых? Давайте, выпьем сегодня за их здоровье и долгую, счастливую жизнь.

– Все равно это ужасно. Я даже не знаю... – растерянно лепетала блондинка.

– О чем ты, брат? О последнем ограблении? – слышался слева еще один мужской голос. – Женщина, успокойтесь. Брат под впечатлением, потому и разболтался. Ему непривычно, он новичок в наших делах.

Сквозь прикрытые веки Катя рассмотрела подошедшего к парочке крупного мужчину в очках. Он не обладал такими живописными рельефами, как усатый, но казался богатырем из-за высокого роста и широкой грудной клетки. Мужчина присел на корточки между топчанами. Золоченая оправка и загорелая лысина блестели в лучах полуденного солнца.

– Ничего не бойтесь, женщина, – успокоил лысый испуганную даму. – Все прошло гладко, не паникуйте. Нас не опознали. Мы были в масках, как обычно. Деньжищ куча, а опасности ноль. Гуляй, не хочу!

В странной откровенности двух преступников было что-то комичное, и Катя с интересом прислушалась к разговору.

– Ах, я все-таки опасаясь. Это так необычно. Я теряюсь в сомнениях...

– К чему сомнения, мадам? – хохотнул усатый, поигрывая

мускулами. — Да, я новичок, но не салага! Десять лет гулял по лагерям за мелкие кражи. Спасибо брательнику, вразумил.

Если уж мотать срока, так за дело! А вновь доведется на киче чалиться, хоть будет что вспомнить. Ну, так как? Гуляем сегодня?

— Миша, Жорик, привет, добры молодцы! — подошедшую к топчанам симпатичную женщину Катя узнала. Она жила в соседнем номере, приехав на неделю раньше основного заезда. Утром она зашла познакомиться с новыми соседками и произвела на девушек приятное впечатление. Веселая, разговорчивая, на вид почти ровесница, она удивила Катю и Тасю, сообщив, что ее сыну уже восемнадцать. — А вы опять за старое, бессовестные? Посмотрите, до чего даму довели! Не стыдно?

— Ну, полно, полно, мадам, — расхохотался усатый Жорик. — Это же шутка! А получилось? Вы поверили? Но нас настоящий прокурор расколол не вовремя. — Он повернулся к подсевшей женщине. — Эх, Зинуля, помешала ты нашей бродячей труппе прогнать программу до конца.

— Я не прокурор, а только помощник, не преувеличивайте, мальчики. А перед дамой надо бы извиниться. Взгляните, она в себя прийти не может. Вон, и Катя чуть не в обмороке.

Мужчины повернули головы в сторону Екатерины, лежащей с закрытыми глазами и сдвинутыми на лоб очками.

— Девушку, значит, Катей зовут? — осклабился лысый. — Она не в обмороке, а просто спит. Нельзя, Катенька, спать

на солнце. Так и солнечный удар можно получить.

– Спасибо за заботу, – не открывая глаз, буркнула Катя.

– Отстань от девушки, Михайло. Не видишь, человек занят? Нет у нее времени балясы с тобой точить, брат, – съехидничал усач.

– А вы и в самом деле братья? – подала голос дама в шляпе, пришедшая, наконец, в себя от рискованного розыгрыша. – Вроде не очень похожи.

– А мы двоюродные, мадам. Мишуня – старший, а я младшенький, малец неразумный, – хохотнул Жорик, передернув накаченной спиной. – Ну, как заезд, Зинуль? Кого подселили? Нормальная тетка? – обратился он к Зинаиде.

– Очень приятная женщина, я довольна. Зовут Александра Даниловна, работает фельдшером, замужем, взрослые дети. Немного старовата для меня, тихая, скромная...

– И хорошо, что скромная. Не даст тебе безумствовать, будешь пример брать, как мужу верность блюсти, – засмеялся Жорик.

– Как не стыдно, Жора. Что обо мне люди подумают? Вон, Катя тоже с этим заездом приехала, она теперь соседка моя. Скажет еще – с кем рядом жить придется? Не слушай их, Екатерина. Языки у них без костей, балаболов.

– А Катюша тоже замужем? – полюбопытствовал старший брат.

– Замужем. – Катя села на топчане. – Еще вопросы есть?

– Ой, какая вы сердитая, Катенька. Мы же должны знать,

с кем придется иметь дело? Разрушать вашу семью до основания или руины все же оставить? – сострил лысый.

Вдоль моря решительным шагом шествовал крепкий мужчина с волевым подбородком и в сдвинутом на глаза белом кепи. Неожиданно он затормозил и под прямым углом повернул к сидящей на топчанах компании. Мужчина остановился перед Катей и грозно скомандовал:

– Девушка, срочно убирайтесь с пляжа, не то сгорите! Вы не подумали, что мы станем делать, если до вас дотронуться будет невозможно? Советую подумать!

Катя удивленно подняла глаза.

– Вот это глазищи! – восхитился незнакомец. – Все! Думайте! Но недолго. В вашем распоряжении двадцать дней. Время пошло, сегодня день первый. Пока я буду идти, потрудитесь рассмотреть меня со спины. Такого тела вы здесь не найдете. Обратите внимание на пропорции – плечи и бедра.

С этими словами мужчина в белой кепке, похожей на капитанскую фуражку, круто развернулся и зашагал прочь от онемевшей компании.

– О, дает мужик! – засмеялась помощница прокурора. – Кать, срочно начинай думать! Со временем у тебя не густо.

– Он, конечно, немного странный, но очень, очень интересный мужчина, – раздался голос из-под шляпы. – Такая ярко выраженная мужская харизма. Он похож на капитана дальнего плавания, вы не находите?

– Ага, очень-очень дальнего! Настоящий капитан! Кэп-

мен! – загоготал Жорик. – Ну, держитесь, Катя! Спуску он вам теперь не даст! С такой-то харизмой!

– Да-да, Катенька, будьте начеку, – вставил старший брат. – Типичный ловелас. Как бы не закружил вам голову.

– А я бы на твоём месте, Кать, молнию мужу отбила «Срочно вылетай! Если не хочешь носить рога, поторопись!» – засмеялась Зина. – Перед таким орлом устоять невозможно! А окажешь сопротивление – склеишь ласты.

– Очень страшно, – буркнула Екатерина.

– А действительно, о чем думал ваш муж, когда отпускал вас одну? – с интересом взглянул на Катю старший брат. – Я бы такую красавицу от себя никуда не отпустил.

– Или приехал без предупреждения и проследил, – захохотал Жорик. – А может, муж ей доверяет? Ты об этом не подумал, брат?

– Доверяй, но проверяй, – строго сказал лысый. – Она и сама может не заметить, как... и пожалуйста – почетное украшение на лбу. Нет, так не годится. Приехал бы и проследил! Да!

– Да не волнуйтесь вы так, – усмехнулась Катя. – Приедет он...

– А когда? – поспешно спросил усач. – Муж назвал точную дату приезда?

– Не назвал, но скоро. Я вас познакомлю, не переживайте.

– И правильно сделает, – одобрительно кивнул старший брат. – И молодец, что срока точного не назначил. Это удер-

жит вас, Катенька, от опрометчивых поступков. Будете всегда в тонусе, в ожидании.

– В ожидании чего?

– Любимого мужа, Катя, – усмехнулся усатый. – Думаю, навешает он вашему кэпмену по самое не балуйся. Но до приезда супруга у меня, надеюсь, еще есть время? Мы-то с вами успеем укрепить наше случайное знакомство?

– Укрепляйте с кем хотите, только меня оставьте в покое.

– Кать, не обращай на них внимания, не обижайся. – Зинаида поднялась с топчана. – Братья совершенно безобидны. У них такая манера общаться. Со всеми, не только с тобой. Они болтуны-пустозвоны!

Дама в шляпе, до этого заинтересованно прислушивающаяся к разговору, начала незаметно складывать вещи в сумку. Ухажер, переметнувший свои симпатии к другой, явно разочаровал ее.

– Куда же вы, мадам? – восторгнулся Жорик, заметив ее сборы. – Зина не права. Никакие мы не пустозвоны, а очень даже солидные люди. Мы с братом живем в разных городах и раз в году встречаемся здесь, в Сочи. И каждый сезон мы лелеем трепетную, но пока тщетную надежду обрести в этом прекрасном городе своих дам сердца. Мы оба холосты, мадам! Не верите? Михаил, покажи паспорт! Свой я, к сожалению, забыл в смокинге. Но, клянусь честью, там тоже прочерк в графе «семейное положение». Мы прибыли сюда в предвкушении роковой встречи, а вы и лапки кверху! У вас

был и есть шанс, мадам, завоевать наши беспечные, но страдавшие от одиночества сердца!

Глава 4. Катя

Санаторий, в который приехала Катя по профсоюзной путевке, располагался в южном парке, густо заросшем старыми деревьями и цветущим кустарником. Границы санаторской территории невнятно обозначала дырявая ограда из погну-тых или выломанных чугунных прутьев, а то и целых забор-ных звеньев. Зато помпезный центральный вход сохранил девственную неприкосновенность. Высокие узорные ворота гостеприимно распахивались в шесть утра и торжественно закрывались в полночь.

В центре парка высился новый жилой корпус, вмещав-ший весь санаторский контингент. Через широкие стеклян-ные двери отдыхающие попадали в просторный мраморный холл, откуда на трех скоростных лифтах взлетали в свои вре-менные гнезда. Первый этаж был нежилым. В левом крыле размещались административно технические службы, каби-нет дежурного врача и гладильная. Направо по коридору рас-полагались помещения, призванные обеспечить контингент приятным и полезным досугом. Работали мужская и жен-ская парикмахерские, сувенирный киоск, бильярдная с без-алкогольным буфетом и библиотека с читальней, по вечерам превращающейся в кинозал, а также телевизионная гости-ная и диванная для тихих настольных игр. В мраморном хол-ле бдительная охрана круглосуточно отслеживала посторон-

них. Гостей приводить разрешалось, но пригласившему полагалось лично представить их охранникам. При повторных визитах посетители могли пройти сами, но уверенно указать, куда и к кому направляются. Для устрашения возможных злоумышленников на столе охраны лежала толстая амбарная книга с поэтажными координатами проживающих.

Выйдя из стеклянных дверей на улицу, отдыхающие оказывались на большой асфальтированной площадке, куда днем выставлялись столы для настольного тенниса, а по вечерам проводились танцы. Отсюда же в разных направлениях разбегались многочисленные асфальтовые дорожки. Самая широкая вела к центральным воротам, и от них – к морю. Самая узкая указывала кратчайший путь до санаторской столовой, а все остальные в шаге от площадки превращались в тенистые парковые аллеи.

Дорожка в столовую бежала вдоль длинного жилого корпуса и потом тоже сворачивала в парк, в глубине которого желтело нелепое одноэтажное строение. Приземистое здание со всех сторон облепили пузатые веранды, а у входа столпились короткие пухлые колонны. Издалека пищеблок напоминал гигантскую толстуху, развалившуюся в зеленой тени после сытной трапезы. Сквозь густую парковую листву мелькали желтые стены таких же кряжистых лечебных корпусов.

До моря было недалеко, но путь к нему лежал через городское шоссе, живущее активной жизнью даже по ночам. При санатории имелся оборудованный лечебный пляж. Отдыха-

ющие попадали на него по пропускам, выдаваемым вместе с курортной книжкой. Кроме санаторских, на пляже загорали «дикари», неизвестно как туда проникающие. Обычно они вели себя смирно, к ним быстро привыкали и относились, как к своим.

Кате нравились стройные ряды голубых зонтов, распахнувших широкие крылья над белыми пластмассовыми топчанами. В рубиновой тени прозрачного навеса располагалось кафе «Аленький цветочек», где в продаже всегда имелось мороженое и разливное пиво. Посетители заходили туда прямо в купальных костюмах и устраивались за алыми столиками в таких же веселых креслах. Для любителей активного отдыха в дальнем конце пляжа зеленели теннисные столы и белела волейбольная сетка. В терапевтических целях над элитной резервацией чуть слышно порхали легкие инструментальные мелодии.

Кроме Кати и Таси, в компанию входили еще две женщины из соседнего номера – помощник прокурора Зина и фельдшер Александра Даниловна. Дамы облюбовали постоянное место недалеко от кафе.

– Смотри, наши донжуаны опять новеньких охмуряют, – кивнула на братьев Тася.

Катя повернула голову. Жора оживленно беседовал с немолодой, интересной женщиной с тяжелой русой косой на груди. Михаил склонился над ее белотелой соседкой.

Всю прошедшую неделю Катя не переставала удивляться

боевой активности неразлучных братьев, отдыхающих «дикарями» и относящихся к завсегдатаям лечебного пляжа. Времени даром они не теряли, почти ежедневно меняя свои симпатии. Прокурорша нередко подсаживалась к ним поиграть в преферанс. У Кати с братьями установились отношения насмешливого приятельства. Проходя мимо их женской компании, родственники ненадолго останавливались, отпуская шуточные комплименты. Жорик беззлобно подтрунивал над Екатериной по поводу задерживающегося с приездом супруга, намекая на неугомонного кэпмена. Тип с харизмой не оставлял ее в покое и ежедневно напоминал о еще одном бездарно прожитом дне. Он подходил к ней строевым шагом и укоризненно постукивал по часам.

– Девушка, вы слишком долго думаете, – чеканил он командным голосом. – Так и отпуск закончится, а вы все никак не раскачаетесь. Будете потом локти кусать, но помочь я вам уже не смогу. Даю еще три дня! Решайтесь быстрее!

Выражение лица под капитанским кепи было до смешного серьезным, а в зеленоватых глазах не проскальзывало и тени улыбки.

Погода установилась стабильно жаркая. На синем небе не наблюдалось ни единого облачка. Море прогрелось до неприличной температуры и почти не освежало. Выходить из воды не хотелось, и Катя подолгу купалась, заплывая за буйки. Там она ложилась на спину и, закрыв глаза, покачивалась на волнах.

– Размечтались о любимом муженьке, Катенька? – вынырнул вдруг из-под нее отфыркивающийся Жорик.

Катя испуганно вздрогнула и, не ответив, поплыла к берегу. Жора отстал, направившись в море. Под зонтом одиноко сидела Александра Даниловна.

– А где все? – оглянулась Катя по сторонам.

– Зину Михаил позвал в карты поиграть, а Тасеньку Виталик в кафе пригласил.

Катя осмотрелась и увидела Зинаиду, которую за глаза все называли прокуроршей. В цветастом купальнике и белой кружевной шляпке она кокетничала с двумя незнакомыми мужчинами. Рядом старший брат сосредоточенно расписывал пульку. Катя вытянулась на топчане и закрыла глаза.

– А Виталик-то прямо проходу не дает нашей Тасеньке. Так идо греха девушку доведет. Не знаешь, Катюша, замужем она?

– Не замужем. Но вряд ли у него что-то получится. Он ей не нравится.

– Так-то оно так, но на отдыхе всякое случается. Вон, братья одни чего стоят. Так и норовят подловить женщину. Глаз да глаз с ними. К тебе-то скоро муж собирается?

– Не собирается он, – пробормотала Катя, не открывая глаз, но вдруг резко села. – Только, пожалуйста, никому ни слова, Александра Даниловна! Пусть все думают, что придет.

– Конечно – конечно, не скажу, не волнуйся. Зачем мне? –

успокоила ее соседка. — А ты молодец, так и надо. Вон, кэпмен с утра стервятником рыщет, жертву выбирает. Кепарик надвинул и чапает.

Женщины вновь легли и замолчали. В голубоватой тени глаза слипались сами собой, и Катя почувствовала, что засыпает.

— Катюша, — разбудил ее голос соседки, — а вообще-то муж есть у тебя?

— Нет у меня никакого мужа, — не открывая глаз, ответила Катя и снова села. — Об этом тоже никто не должен знать. Дойдет до братьев, а те разнесут по всему пляжу.

— Не скажу, не болтушка, — успокоила ее Даниловна. Она приподнялась на локте и с интересом рассматривала молодую соседку. — А раз так, почему бы тебе и не познакомиться с кем-нибудь? Заезд неплохой — мужчин много, симпатичные попадаются, нестарые, и на тебя поглядывают. Наверняка, холостые есть и разведенные. Братья те же. Или никто не нравится?

— Александра Даниловна, — Катя опять поднялась, — я не для этого приехала, понимаете? Не собираюсь я тут романы крутить. Дома проблем хватает, новые не нужны.

— Нет, так нет. Извини, Катюша, спроста я. Подумала — женщина молодая, симпатичная, одинокая. Ведь одной-то не сладко, поди? А где еще познакомиться, как не на курорте? Но ты отдыхай, как тебе надо, я тебя не выдам.

Спать расхотелось. Катя вспомнила, как нелегко дался ей

этот отдых в одиночестве. Как непросто было убедить своих стариков, что ничего с ней не случится и ни в какую неприятную историю она не попадет. С каким трудом добывалась путевка в нищем профкоме захудалого НИИ, откуда она перманентно собиралась уволиться, но все не решалась, соблазненная щадящим режимом и перспективой легкой защиты. Каким тяжелым получился последний разговор с Евгением о ее желании разобраться в их отношениях и принять окончательное решение о целесообразности их продолжения. А он, как всегда, убеждал ее ничего не решать и оставить все как есть. Что означало – продолжать ждать. Именно это растянувшееся на десять лет ожидание стало ей невыносимо. Она давно считала его жестоким и унижительным занятием. Это в юности она не думала ни о чем и ни о ком, кроме него. Не хотела и не умела задумываться о других, об этой несчастной женщине...

Она мечтала побыть совсем одной. Спокойно обдумать свою жизнь, особенно – ее последние бестолковые годы. Смирение перед невозможностью изменить обстоятельства вдруг покинуло ее. Нестерпимо захотелось избавиться от недавно поселившегося в ней, но успевшего изрядно надоесть шестого чувства – чувства вины, и вновь обрести нормальные пять. Сбросить шелковистое одеяло комфорта, заботливо наброшенное на нее Евгением. Оно перестало согревать, безнадежно свалявшись застарелыми колтунами неразрешимых проблем. Захотелось освободиться от ста-

рых долгов, заплатить по счетам любыми средствами, как закладывает совестливый должник последнее имущество для доказательства своей кредитоспособности. Она сожалела о неудаче уже предпринятой ею попытки – ее нелепое замужество лишь увеличило сумму долга, пополнив число кредиторов. И пришла к выводу невозможно построить собственный мир чужими руками, как и избавиться от боли, причиняя ее другим.

Кате необходим был этот месяц полного, никем и ничем не нарушаемого одиночества.

Глава 5. Аркаша

Екатерина прыгнула с раскаленной подножки автобуса, возвращавшегося из Мацесты, и направилась в сторону моря. Глаза наткнулись на забавную для южного города вывеску «Кафе-мороженое Айсберг». Заведение располагалось в стороне от дороги в густой тени деревьев и темно синих зонтов под ними.

Буфетная стойка пустовала, но из приоткрытой двери в служебное помещение доносился недовольный голос буфетчицы, отчитывающей кого-то по телефону. Катя оглядела почти пустое кафе. Невдалеке заботливая мамаша что-то настойчиво внушала хнычущему мальчугану, ослотившему от огромной порции мороженого. Еще один посетитель за отдаленным столиком просматривал газету, вкушая лакомство без видимого удовольствия на неподвижном, словно высеченном из камня лице. Появившаяся, наконец, буфетчица наложила пять разноцветных шариков в металлическую креманку и протянула ее Кате со словами:

– Сядьте, пожалуйста, за занятый стол. Через пятнадцать минут закрываемся по техническим причинам.

Катя осмотрелась. Говорливая мамаша с плаксивым пацаненком ее не вдохновили, и она направилась к столику с молодым человеком, успев заметить, что его креманка почти опустела.

– Не помешаю? – с дежурной вежливостью спросила она, отодвинув синий пластмассовый стул.

– Ради Бога, – равнодушно ответил мужчина, складывая газету. Он лениво повернул небольшую, словно усохшую голову, и окинул ее надменным взглядом. Точеное, покрытое бронзовым загаром лицо, в сочетании с маленькой головой, напоминали мумию фараона. – Простите, вы не в «Ларисе» отдыхаете?

– Да, там, – удивилась Катя. – А в чем дело?

Мумия расплылась в белозубой улыбке. Глаза заискрились голубыми топазами в цвет рубашке.

– Тогда ответьте – почему вы на танцы не ходите? Я каждый вечер там околачиваюсь, жду, когда подойдете, а вы все мимо да мимо. Как это называется? Вы отдыхать приехали или где? Может, музыка не устраивает или контингент не тот?

Екатерина, не ожидавшая от гордой мумии такого каскада и далеко не фараонского лексикона, сдержанно улыбнулась:

– Считайте, угадали. И то не так, и это не эдак.

– Так подошли бы ко мне и сказали. Музыка можно поправить, а вот насчет контингента сложнее. Куда деваться от наплыва пенсионэров в пинжачках и трениках? Но я-то на что? Я всегда готов прийти на помощь женщине! Зимой и летом! Днем и ночью!

Последняя тирада заставила ее внимательнее присмотреться к балагурящему парню. Он был бы неотразим со сво-

ими точеными чертами, синими глазами и широкими плечами, если бы не странная фривольность произносимых фраз при едва начавшемся знакомстве.

Она доедала мороженое, а он, улыбаясь, следил за движениями ее руки и, казалось, раздумал уходить, надоедливо похлопывая свернутой газетой по ножке стула. Катя покончила с мороженым и облизала ложечку.

– Благодарю за компанию, всего доброго. – Она поднялась, но сосед приветливо остановил ее:

– Вот как? Сначала десерт, а теперь обедать? Кто же так питается? Поверьте сыну главврача лучшего санатория Сочи, с такой едой – шиворот навыворот – вам грозит заворот кишок.

– Да нет, я еще искупаться хотела, а потом уже обедать, – попыталась оправдаться Катя.

– Тогда ладно еще. – Парень тоже поднялся, лучезарно улыбаясь. – Пожалуй, тоже окунусь, жарко сегодня.

Они направились к чугунной калитке, у которой уже стояла недовольная буфетчица, вертя на пальце связку ключей. Она окинула Екатерину придирчивым взглядом, а парню кивнула по-свойски.

– Пока, Аркаша.

– Кстати, мы не познакомились. Аркадий! – протянул он лопатистую кисть.

– Катя, – вложила она ладонь в широкую пятерню. – Вы, видимо, местный? Сочинец?

– Ага, тутошний я, коренной. Меня здесь все знают. Мамахен – главврач самого лучшего санатория в Сочи, а пахан – самый крутой адвокат в городе. Оправдает любого, по ком гильотина рыдает. Если что, могу поспособствовать.

– Спасибо, вряд ли пригодится. – Она взглянула на довольную физиономию своего спутника и почему-то поежилась. Они дошли до лечебного пляжа, и Катя не без облегчения приготовилась попрощаться – Вот я и на месте. Дальше вас не пустят, это наш санаторский пляж. А городской тут недалеко.

– Меня? Не пустят? Ошибаетесь, девушка.

Парень смело прошел мимо будки проверяющего, небрежно помахав ему в окошко, а Катя долго рылась в сумке, с трудом обнаружив пропуск. Она предъявила его в развернутом виде и только после этого пересекла границу, отделяющую организованных отдыхающих от «дикарей».

На пляже все было как обычно. Две свежеекрашенные блондинки флиртовали с восточного вида мужчиной, кокетливо округляя глаза под его речи. Те же преферансисты, не обращая внимания на палящее солнце, расписывали пульку. Женщина с косой вальяжно раскинулась на топчане. Рядом приятельница что-то нашептывала ей с видом заговорщицы.

Катя дошла до места, где загорала их компания, но ничего не обнаружила. Пустые топчаны выглядели голо и одиноко. Она поставила сумку на один и уселась на другой, ища глазами знакомых и почти забыв о своем спутнике. Аркадий

остановился за ее спиной и с любопытством озира́л пляж. Невдалеке братья болтали с новенькими. Дамы чему-то ужасались, всплескивая руками. Их удивленные возгласы долетали до Екатерины. Младший брат заметил ее появление и приветственно поднял руку. Катя помахала в ответ и отвернулась.

Аркадий испугал ее, шлепнувшись на топчан с сумкой и едва не спихнув ее на гальку. Катя с недовольным видом переставила ее к себе:

– Осторожней, пожалуйста. Там есть чему разбиться.

– Что же там такое быющее? Надеюсь, не ваше сердце?

– Там очки, зеркало, духи, – ответила она спокойным тоном, который начал даваться ей с некоторым трудом. Парень вел себя не только бесцеремонно, но и нагло. Ни к чему не обязывающее знакомство начало тяготить, а манера, в которой абориген навязывал свое общество, откровенно не нравилась.

– А не вдарить ли нам по мороженому? – раздался за спиной жизнерадостный голос неслышно подошедшего Жорика. – Нынче у нас клубничный пломбир! В народе прошел слухок – объединение!

– Спасибо, только что ела, – обрадовалась его появлению Катя.

– Тогда пивка, – не отставал младший брат, – сегодня оно неразбавленное, холодненькое.

– Спасибо... – она не успела договорить, как Аркадий

схватил ее за руку:

– Пойдем! Хочу пива. Хочу, хочу, хочу! – Он рывком поднял Катю с топчана и повернулся к Жоре – Угощаешь, мужик?

Растерявшийся было Жора бодро кивнул:

– Угощаю, раз такое дело!

Они прошествовали к кафе. Аркадий крепко держал Катю за руку и не отпустил ее, даже плюхнувшись в кресло. Она попыталась освободиться, но тот разжал пальцы лишь с появлением Жоры, осторожно несущего три запотевшие кружки с жидким янтарем.

– Хорошо смотрите, ребята, – некстати сообщил он, поставив кружки на стол. – Красивая пара!

Аркадий вскочил и направился к буфету, бросив на ходу:

– Сейчас эта гримза выдаст нам воблы!

Жора с любопытством смотрел ему вслед.

– Бойкий он у тебя. С таким не пропадешь. Добытчик! – Он повернулся к Кате. – Ну, рада? Дождалась? Ко мне, надеюсь, не приревнует? Пригласить какую-нибудь мамзель для порядка?

Катя поняла, что любимец женщин принял Аркадия за ее прибывшего, наконец, супруга. Прищурившись, Жора придирчиво оглядывал ближайшие топчаны. Многие из загорающих дам с интересом посматривали в его сторону.

– Как хочешь. Приглашай. Вон их сколько, желающих, – усмехнулась она.

Жорик призывно помахал миловидной светловолосой девушке, и та с готовностью поднялась. Катя была шапочно знакома с ней, они даже раскланивались в санаторской столовой. К приходу Аркадия за столом было уже трое. Подсевшая блондинка отхлебывала пиво из кружки, любезно пододвинутой к ней Жорой, и оживленно выкладывала сенсационную новость – кэпмен нашел-таки себе пару! На ее взгляд, недавно прибывшая девица из Питера ничем особенным не отличалась, кроме пышной рыжей гривы и веснушчатой мордашки. Аркадий чистил воблу, неприветливо глядя на нового члена компании. Он перебил ее, обратившись к Жоре:

– Мужик, а пиво-то ты свое отдал? Может, еще сгоняешь?

– Успеется, – отмахнулся тот. – И давайте уже познакомимся. Меня зовут Жорж, можно просто Жора, – он встал и протянул руку своему визави.

– Аркадий, – не поднимаясь, пожал тот протянутую руку. – Можно просто Аркаша.

– Катюшу мы все знаем, а это Лялечка, – представил Жора свою даму.

Лялечка бросала победные взгляды на товарок, следящих за происходящим со своих топчанов. Она посасывала спинку воблы, прихлебывала пиво и казалась совершенно счастливой, очутившись в компании сразу с двумя заметными мужчинами. Над буфетным окошком склонился кэпмен. Рядом молодая женщина с распущенными волосами близоруко

оглядывала кафе в поисках свободного столика.

– Вон она, вон она, – зашептала Лялечка. – Ведь ничего же особенного? Подумаешь, красавица...

Мужчины оглядели женщину с видом знатоков.

– Кто? Эта рыжая телка? А что с ней такое? – повернулась к собеседникам надменная маска фараона.

– Это наши местные развлекалочки, – улыбнулся Жора, подмигнув Кате. – Товарищ в белом кепарике долго дефилировал здесь в гордом одиночестве, смущая наших простодушных дам, надеющихся на взаимность. Искал что-то выдающееся из ряда обыкновенного и обрел, наконец, эту прекрасную златовласку!

– И ничего в ней нет прекрасного, – возмутилась Лялечка. – Катя наша куда интереснее, например... – Она испуганно умолкла, перехватив предупреждающий взгляд Жоры, незаметно для других высунувшего и прикусившего кончик языка.

– Катя классная. Она одна здесь такая. – Аркадий обвел собеседников ледяным фараонским взором. – И козел этот в кепке зря бы губы раскатал. Так?

– Так! Истинно так! Абсолютно верно! Катя ему не по зубам, – подобострастно рявкнул Жора. – Женщина высочайших достоинств и безукоризнейшего поведения! Самый ревнивый муж может спать спокойно. Это суровый факт, а не комплимент. Спросите любого здешнего искателя приключений! Кремень, а не женщина!

Кате показалось, что разыгрываемая перед псевдо мужем комедия не только бездарна и примитивна, но и неуважительна по отношению к ней. Она повернулась к бородатому оратору и процедила:

– Умерьте ваше красноречие, Жора. Я не нуждаюсь в ваших оценках.

– Простите, если обидел, – такой же тихой скороговоркой ответил тот. – Видит Бог, хотел как лучше. Язык мой – враг мой. Надеюсь, не ляпнул ничего непоправимого? Из самых благих побуждений, поверьте...

Оба взглянули на Аркадия, жадно допивающего пиво из Катиной кружки. По его увлеченности этим занятием стало понятно, что застольная пикировка не достигла фараонских ушей, и ничьи нравственные достоинства или несовершенства не помешают довести начатое до конца. Катя не могла не признать, что было в его экзотической физиономии нечто, позволяющее этот завуалированно насмешливый тон.

Гулкий хлопок пустой кружки по алой пластмассе раздался одновременно с грохотом отодвигаемого кресла. Аркаша навис над столом, схватив Катю за запястье.

– Спасибо за пиво, нам пора.

– Мы же хотели искупаться? – попыталась она задержать-ся, не желая вновь остаться наедине с этим странным типом.

– Еще купнемся, пошли! – Аркадий дернул Катю за руку. Она едва успела дотянуться до сумки, притулившейся у ножки кресла. Жора с усмешкой наблюдал за ними. В при-

щуренных глазах проскакивали издевательские искорки.

– Аркашу можно понять! Долгожданная встреча! Счастливо, ребята! Совет да любовь! – выкрикивал он вслед удаляющейся парочке, подмигивая Лялечке, недоумевающей, почему их приятная компания так быстро распалась.

Глава 6. Маньяк

Аркаша быстро шагал по солнечной стороне улицы, не выпуская Катиного запястья из клешневидной кисти. Она еле поспевала за ним, не понимая, куда он ее тащит и почему ведет себя так бесцеремонно.

– Куда мы, Аркадий? Мне пора в санаторий, я опоздаю на обед. Остановитесь, я не могу так быстро...

Не отвечая и не замедляя шага, он несясь вдоль проезжей части навстречу курортникам, утомленно разбредающим по базам отдыха в преддверии обеденного часа. Тянулись чуть торопливей в точки общественного питания «дикари», недовольно оглядываясь на задевающую всех пару. Аркадий летел, никого не замечая, и вдруг резко притормозил у дерева с низкой раскидистой кроной. Он толкнул Катю к самому стволу.

– Мне пить нельзя! – раздраженно заявил он. – А я развязал, пива выпил. Взгляни, пожелтели белки?

Катя, не ожидавшая ничего подобного, выполнила странную просьбу, уставившись в вытаращенные синие глаза. От резкого перехода с ослепительного солнца в густую тень ничего необычного она не заметила и отрицательно покачала головой.

– Нет, белки нормальные. Зачем же вы пили, раз нельзя?

– Зачем-зачем. Сорвался вот! А все из-за тебя!

– Из-за меня? – удивилась она. – Разве я уговаривала вас пить?

– Знакомый твой меня разозлил. Думал, я ему проставляться буду? Нашел дурака! Пусть сам и башляет, раз на-рвался. А у тебя с ним что? Чики-чики или просто пляжный страдалец?

Катя опешила от грубости и пошлости выражений, но раздумала делать выговор, внимательнее взглядевшись в возбужденное лицо. Было в нем что-то странное и неуловимо пугающее. Она решила, что наилучшая тактика сейчас – спокойствие. Зажатая рука начала затекать.

– Аркадий, – миролюбиво сказала она, заглянув в глаза цвета неба, – вы не проводите меня до санатория? Давайте сделаем перерыв на обед, немного отдохнем, а после тихого часа встретимся на пляже и все-таки искупаемся.

– Ты мне стрелку, что ли, назначаешь на своем лягушатнике? – криво усмехнулся он. – Ищи идиотов в зеркале! Так я тебе и поверил. Ты отделаться от меня хочешь, а не на свиданку со мной тащиться. И на хрена мне ваши морские купания? Я здесь живу и могу полоскаться в этой луже круглогодично, была бы охота.

Они стояли под деревом и напряженно смотрели друг на друга. Со стороны могло показаться, что красивая молодая пара слегка повздорила и теперь выясняет отношения.

– Что же вы хотите, Аркадий? Я не совсем вас понимаю. – Катя подергала руку, но он только сильнее сжал ее. Лицо му-

мии с синим бессмысленным взглядом приблизилось вплотную.

– Что я хочу? Малышка не понимает, что хочет от нее взрослый дядя? Ладно, поясню. Все дяди мечтают угощать маленьких девочек конфетками. Но хорошие дяди перед своим угощением мучают глупышек дальними заплывами, выгуливают за ручку вдоль побережья, делясь богатым внутренним миром. Зато плохие дяди готовы накормить детку своей конфеткой без канители и проволочек, – Аркадий злобно ухмыльнулся. – Я давно тебя присмотрел, но сразу скумекал, что здесь мне не обломится. Где уж нам уж. Я мальчонка простой, местный, а ты вон какая! Мне только одно подойдет – фартовый случай. Вот и подфартило пацану. Считай, спета твоя песенка. Сегодня же и запоешь. А заартачишься, пеняй на себя! – С этими словами он поднес к ее глазам огромный кулак и провел им вдоль лица, задержавшись на губах. – Размозжу! Размажу! По чертежам не соберут! Еще и дружков позову. Так отделают, мама родная не узнает! Но пока делиться не рвусь. Пока, – Аркадий злобно рассмеялся, обнажив мелкие белые зубы. – Я сам хочу. Я один хочу. Детке понравится моя конфетка.

С тихим ужасом Катя начала понимать, в какую историю ее угораздило вляпаться. По всей вероятности, перед ней настоящий сексуальный маньяк. Вряд ли удастся отделаться от него жалкими увещеваниями и призывами к несуществующей совести. Угрозы физической расправы показались

вполне реальными, и информация об известном отце юристе не вселяла оптимизма. Кто знает, от каких преступлений он уже отмазал своего нездорового отпрыска на радость милицейским властям, неохотно распутывающим дела об изнасилованиях и убийствах на сексуальной почве? Она попыталась справиться с видимыми проявлениями страха, изобразив смирение.

– Что же вы намерены предпринять? Куда мы направляемся?

– Думаю, где бы? – прервал он ее. – Где мне устроиться с тобой, куколка? На плеере не получится – сейчас везде народ. В горы увезти? Капусты нема. К дружкам на хату? Самому не достанется. Придется вечера дожидаться, но темнеет-то быстро у нас, сама знаешь...

Катя взглянула на часы. Обед в санатории уже закончился, но до темноты было еще далеко. Она надеялась, что за это время что-то произойдет – кто-то встретится из знакомых и как-то поможет. Но вдруг с тоскливой безнадежностью поняла, что этот гипотетический «кто-то» вряд ли ринется ее спасать. Миф об ожидаемом приезде супруга, распространенный братьями по лечебному пляжу, сыграл с ней злую шутку. Если даже сообразительный Жорик принял Аркашу за ее мужа, то что ждать от остальных? Да и внешность красавчика не вызывала подозрений – модная стрижка, дорогая одежда, царственный взгляд удивительно синих глаз. А просить помощи у случайных прохожих бесполезно. Да и

что она крикнет им «Спасите, помогите, он не отпускает мою руку»? В лучшем случае в ответ рассмеются, узнав о таком «страшном» посягательстве на ее неприкосновенность. Катя старалась сохранять спокойствие, интуитивно чувствуя, что было бы ошибкой дать понять своему нездоровому спутнику о периодически окатывающих ее приступах панического страха. В такие моменты ей хотелось оглушительно закричать и, вцепившись в беспечно проходящих мимо мужчин, умолять о спасении. Словно уловив ее мысли, Аркадий зловеще произнес:

– Не вздумай орать и звать на помощь. Если кто и сунется, я все равно успею первым. – Он вновь поднес к ее лицу кулак величиной с голову младенца. – Сначала тебя изуродую, а потом защитничкам навешаю. – Он скрипуче засмеялся. – Если найдется такой храбрец, конечно. Милиции я не боюсь, – уверенно заявил он, – там ребята в курсе, зачем сюда московские девки приезжают. А то и сами отдерут тебя в отделении за милую душу. А хлюпиков твоих санаторских уложу одной левой! – Он придвинул страшный кулак к ее глазам. – Смотри, смотри, не отворачивайся. Знай, что тебя ждет, если возбужнешь. Хорошенько запомни, первая порция твоя! – Он хитро оскалился – Да кому ты нужна-то? Кто захочет жизнью рисковать ради тебя? – Он дернул ее за руку. – Бухнуть хочу! Гони бабки!

– В кошельке только мелочь, деньги в номере. Могу принести, – предложила Катя в надежде на маленькую хитрость.

Но Аркадий быстро отрезвил ее:

– Наколоть решила? Хочешь сорвать урок? Запомни, дво-
ечница, в свой номер ты попадешь только после прилежных
занятий! – И мрачно усмехнулся – Если жива останешься...

Они остановились перед небольшим тиром. Аркадий но-
гой толкнул дверь в темное полуподвальное помещение, дох-
нувшее прохладой и сыростью. У дальней стены еле разли-
чимо поблескивали фигурки мишеней. Из внутренних две-
рей появился заспанный мужичок с лысиной в коричневых
пятнах.

– Аркаша? Какими судьбами? Давно тебя не видел.

– Привет, Самуилыч! О долге не забыл? Пришло твое вре-
мечко. Раскошеливайся, пятнистый.

Самуилыч захлопал по карманам, вытаскивая мятые де-
нежные знаки и рассматривая их на свет, пробивающийся из
приоткрытой двери.

– Сейчас, Аркаша, сейчас, голубь. Все будет.

Аркадий насмешливо наблюдал за суетливыми движе-
ниями.

– Не дрейфь, пятнистый. Всё не надо. Дай на бутылек ко-
ньяка и отсыпь пулек тридцать. Остальное – потом. Мне пить
– ни-ни, я ж на излечении. Но сегодня сорвался – пивка де-
рябнул. А раз такое дело, беру отгул на денек. Закончу курс,
тогда и загудим!

Самуилыч протянул Аркадию требуемую сумму и, отсчи-
тав тридцать пулек, выложил их на прилавок.

– Ну-ну, голубь, как прикажешь. Не все, так не все.

– Заряжай и подавай. Я обещал удивить девушку.

Аркадий перехватил Катину кисть в левую руку, взяв правой заряженное ружье. Он метился в цель, держа оружие в вытянутой руке, упираясь прикладом в плечо, и попадал в движущиеся фигурки с каждым выстрелом. Она смотрела на его упражнения не без удивления, понимая, что как-то по-своему Аркаша пытается понравиться ей, поразив мужскими игрушками.

Они вышли из тира и вновь заспешили по улицам, задевая прохожих. Аркадия часто окликали знакомые. С одними он ненадолго останавливался и перебрасывался репликами, с другими – ограничивался кратким приветствием и, не задерживаясь, проходил мимо. Катя безумно устала от бесконечной пробежки по расплавленным улицам и хотела хоть ненадолго присесть на одной из тенистых скамеек, мимо которых они проносились. Она, наконец, взмолилась:

– Аркадий, прошу вас, притормозите! Какая необходимость так бежать? Давайте немного отдохнем.

– Устала, да? – удивился он. – Ладно, давай передохнем.

Они остановились напротив маленького кафе, и Аркадий втащил ее в сумрачный зал. Большая мужская компания оглашала невысокие своды разухабистым смехом.

– Аркаша, гребни к нам! По глазам вижу, развязал! – крикнул из-за стола черноволосый мужчина.

– Некогда, Гоги. Не видишь, занят? – Аркадий покосился

на Катю и захохотал. Мужчины за столом усталились на нее с оценивающим интересом. Послышались громкие цоканья языком, пьяные восклицания «Класс, телочка! Где отхватил кралю, друг? Покажи места, где такая рыбалка, генацвале! Растешь, Аркаша!»

Катя, выставленная на всеобщее обозрение, не знала, как реагировать на нетрезвое мужское внимание. Аркадий гаркнул, перекрыв шум голосов:

– Кончай гнать, котяры! Спугнете невесту! У меня вечером свадьба! – Под понимающий гогот он направился к бару и выложил на стойку мятые бумажки Самуилыча. – Бутылку дагестанского, Коля.

– Есть хороший армянский, Аркаша, – улыбнулся черноглазый Коля, – потом домажешь, если что. Тебе с собой или здесь девушку угостишь?

– С собой, – подмигнул Аркадий, – но открой здесь.

Он помахал друзьям бутылкой коньяка и пнул дверь ногой. Оказавшись на улице, он направился к скрытой в кустах скамейке и плюхнулся на нее, потянув Катю за собой. Жадно отпив из горлышка половину бутылки, Аркаша протянул ей остальное.

– Хлебни!

Ей неудержимо хотелось сделать глоток, чтобы хоть немного расслабиться и ненадолго забыться, но она отрицательно покачала головой. А вдруг все-таки удастся выпутаться из этой кошмарной истории и удрать от ненормального,

а теперь еще и пьяного Аркаши? И тогда трезвый и ясный рассудок ей еще могут понадобиться.

– Благодарю, Аркадий, не хочу, – улыбнулась она и участливо спросила – Вы принимаете какое-то лечение и алкоголь вам противопоказан? Зачем же вы губите себя?

– Зачем-зачем. Да надоел этот дурдом! Который раз лечусь, а толку ноль. Заканчиваю, и опять тянет. А ну, взгляни на белки, пожелтели? – Он вновь вытаращил на нее причудливо вырезанные глаза под густыми ресницами.

– Скорее, покраснели, – ответила она, удивившись не к месту промелькнувшему сожалению о красоте этих небесных глаз, доставшихся уроду. И, словно считав ее мысли, Аркаша воскликнул:

– Вот, уроды! Пугали, значит! А все мать! Уговорила на эту байду «Давай, сынок, подлечись. Будешь человеком, как все». А у меня от этого лечения только крыша едет – приступы бешенства случаются, даже на учет поставили. – Он хитро прищурился. – Мотай на ус, Катюша. Что с психа взять? Ты уж не зли меня, не расстраивай. – И ернически добавил – Да... жила себе девушка, горя не знала, да повстречался ей на пути Аркаша Сочинский.

Глава 7. Танцы с маньяком

Они сидели на скамейке, пока бутылка не опустела. Аркаша болтал без остановки, и Катя узнала, что он из вполне благополучной семьи врача и адвоката, известных и уважаемых в городе людей. А сын, получивший неплохое воспитание и учившийся в хорошей школе, еще подростком связался с местными подонками, научившими его пить и курить, играть в азартные игры и разводить приезжих на деньги. Его подельники знакомились с отдыхающими, подпаивали их, втягивали в карточную игру или заманивали в бильярдные, где обирали до нитки. Знакомства с женщинами заводились с той же целью, но с жертвой бестолковой доверчивости или излишней самоуверенности полагалось еще и переспать. Совершить это в день знакомства почиталось в его компании за особую доблесть. Для достижения цели допускались любые средства – обман, шантаж, угрозы, включая физическое насилие. Но в последнее время, – сокрушался вольный сын солнечного Сочи, – он перестал ловить кайф, забавляясь с безмозглыми клушами или безбашенными амазонками. Теперь его возбуждают женщины умные и скромные. Он испытывает особое наслаждение, заставляя осторожную умницу исполнять самые нескромные его желания. И как сладок бывает при этом вкус победы. И сейчас он полон предвкушений, поскольку в предстоящей победе не сомневается и даже

желает, чтобы и Катя получила удовольствие от новых ощущений.

– А что там может быть нового? – устало спросила она. – Разве не одно и то же происходит между мужчиной и женщиной?

– Не скажи, Катюша. А чувство незащищенности перед агрессивной похотью самца? Сознание неотвратимости его властного доминирования? Приходилось тебе испытывать подобное, когда имела дело с мужчинами? Все по своей охоте, по любви, небось, отдавалась? А вот так – насильно, против воли, под страхом смерти? И чирикнуть не смеет бедная птичка, пока хозяин сладострастно ощипывает нежную тушку! Наслаждение экстримом – это наука, Катенька, и сегодня я преподам тебе первый урок. Обещаю, усвоишь на всю жизнь.

От страха и отвращения ее подташнивало. Содрогаясь от ужаса, Катя осознала, что ее ждет, если она не сумеет избавиться от пьяного маньяка. Необходимо было срочно что-то придумать, но ничего толкового в голову не приходило. Пока от принятой тактики она решила не отступать. Непонятно как, но она действовала. Аркаша распустил язык, но не руки, не считая ее бесчувственного запястья. Она выслушивала его откровения, не комментируя, и старалась перевести разговор на другие темы. Расспрашивала о самочувствии от принимаемого лечения, о родителях и доме, в котором он жил с ними. Задерживала на воспоминаниях детства и тех

моментах, когда семья была довольна им. Она заметила, как сквозь циничное охлаждение ко всему, что свято для нормального человека, тема родного дома еще оставалась для Аркаши значимой. Ее не оставляла надежда достучаться до мальчика из хорошей семьи, каковым, по сути, он и являлся. Разбудить благородного рыцаря, каким видят себя в период взросления все мальчишки. И он поймет, наконец, как уродливы и ущербны его представления о чести и доблести мужчины.

Они еще долго и с виду вполне дружелюбно беседовали на скамейке, пока быстрые южные сумерки не превратились темную южную ночь.

– Пора! – возгласил Аркаша, потянув ее за руку. – Идем.

– Куда, Аркадий? – спросила она в надежде, что ее воспитательные маневры возымели действие.

– Как это – куда? Все туда же, откуда ты вернешься полная незабываемых впечатлений. Вернешься, если смирно себя поведешь, детка. А пикнешь – пожалеешь! Вставай и вперед!

Он поволок ее в сторону санатория, продолжая разглагольствовать о предстоящем удовольствии, которое она непременно получит, если настроится соответственно ситуации. Она поинтересовалась, почему они идут через санаторский парк? На что Аркадий ответил, что так дорога «туда» короче.

– А где это «туда»? – спросила она, скрывая отчаянье.

– Вообще-то я люблю на природе, на морском берегу, – оскалился он в нездоровой улыбке. – Звездная ночь, пустынный пляж, плеск волны... только я и она. Строгий учитель и провинившаяся ученица. Она взывает к состраданию, но учитель неумолим. Он поучает девушку послушанию, пока та не удовлетворит все требования учителя. – И тихо добавил – Есть на примете одно местечко, там лазейка в заборе. Или не стоит тащиться так далеко, а прямо в здешних кустах начать обучение? Знаю подходящий уголок в вашем парке. Все фонари там перебиты, и ночью никто не гуляет...

Ужин в санатории давно завершился, но голода Катя не чувствовала и хотела только одного – чтобы скорее закончился этот страшный день. Суровая истина предстала перед ней в своей отвратительной наготе – никакого результата ее маневры не принесли, избежать ничего не удастся и все будет так, как говорит безумный Аркаша. Он получит то, к чему стремился весь день, а она будет считать себя счастливой, если вообще останется в живых. О предстоящем Катя старалась не думать, сознавая, что от уже полученного шока ей не оправиться до конца жизни. А конец этого дня неотвратимо приближался. Она знала, что не будет кричать и звать на помощь. Перед глазами стояла диковинная длань почетного члена психдиспансера, обещанная ей в первоочередном порядке. Руку, зажатую окаменевшей клешней, она давно не чувствовала.

Темные кроны старых деревьев взмывали ввысь, раство-

ряясь в ночном небе. Высокий цветущий кустарник, густо разросшийся под ними, образовывал аллеи санаторского парка. Принарядившиеся отдыхающие прогуливались по освещенным дорожкам в ожидании начала танцев. Наконец, из парковых громкоговорителей грянула музыка, над подъездом жилого корпуса вспыхнули прожектора, и заждавшаяся публика радостно хлынула на встречу с прекрасным. Аркаша остановился, глядя на освещенную танцплощадку и все увеличивающуюся толпу танцующих. Взгляд его прояснел, наполнившись подобием мечтательного восторга.

– Обожаю танцы. Пойдем, потанцуем, – почти застенчиво предложил он. Но, приблизившись к воодушевленно дергающейся толпе, прошипел с прежней интонацией – Все сказанное в силе. Не вздумай с кем-нибудь заговорить. Убью! Мне терять нечего. А ну, пошла!

Никакого желания танцевать Катя не испытывала, но покорно поплелась за ним, подергиваемая за одеревенелую руку. Их путь преградила горка из сложенных друг на друга бетонных плит. Несколько мужчин забрались на нее и наблюдали за танцами с возвышения. В одном из наблюдателей Катя узнала Жору. Выражение его лица мало чем отличалось от Аркашиного. Он тоже взирал на танцующих с восторженной мечтательностью. «Странные эти мужики, – подумала Екатерина, волоча надоевшую сумку. – Чему тут восхищаться?».

Заметив знакомых, Жора легко спрыгнул с плит и подошел к ним. Он дружелюбно протянул Аркаше пятерню. Тот

перехватил Катину руку и ответил крепким пожатием. Жорик проследил за манипуляциями с ее рукой и понимающе улыбнулся – Гуляете? Правильно, ребята, вечер чудесный. – Он перевел взгляд на их сомкнутые руки. – Так с утра и не расцеплялись? Молодцы! Завидую.

Нестерпимое желание крикнуть «Помоги! Спаси меня, Жора!» – охватило Катю, но... она не сделала этого. Вдруг поняв, что этот расслабленный Казанова просто не успеет сообразить, что от него требуется. Да и сможет ли? Захочет ли подвергать себя смертельной опасности ради ее насмешливого безразличия? Пока он будет раздумывать о целесообразности бескорыстной жертвенности, Аркашина кувалда разрешит всеобщие сомнения.

Жора одобрительно подмигивал Кате, с интересом поглядывая на фараонский профиль, повернутый к танцплощадке. Она ловила его подмигивания и подавала знаки глазами, пытаясь донести информацию, которую боялась озвучить. Он заметил ее сигналы, но расшифровать их не смог. Однако они его озадачили, и он сделал попытку догадаться:

– Разреши, друг, пригласить твою даму на танец.

– Без обид, друг. – Аркаша прижал Катину руку к груди. – Я еще сам с ней не танцевал. – Он вырвал у нее сумку и бросил под ноги Жоре. – Посторожи лучше эту торбу, а мы попляшем.

Под быструю мелодию Аркаша танцевал через такт, тесно прижав ее к себе и жарко урча в ухо:

– О-о, Катюха, как я мечтал об этом. О-о, какая грудь у тебя, девочка! – он сильнее притиснул ее, причинив боль.

– На нас смотрят, Аркадий, неудобно, – безуспешно пыталась она отстраниться.

Некоторые из танцующих действительно поглядывали на них с нескрываемым интересом. Мелькнула удивленная физиономия постоянного партнера Таисии Виталика. В глазах Таси тоже застыл вопрос к кому это так страстно прижимается ее сдержанная соседка? С бетонной горки Жора показывал оттопыренный большой палец, когда Катя поворачивалась к нему лицом. Тарасович и прокурорша перестали танцевать и с любопытством следили за рукой незнакомого парня,двигающейся по ее спине с нарушением даже местных, весьма либеральных норм приличия. «Ну, кто еще в санатории не знает, как соскучился по интиму мой нетерпеливый супруг?» – тоскливо думала Екатерина, оглядываясь по сторонам.

Основная масса танцующих весело выплясывала под популярные мелодии, ни на кого не обращая внимания, но на многих знакомых лицах читался тот же удивленный интерес. Возможно, глядя на замкнутую, малообщительную Екатерину, они и мужа ее представляли каким-нибудь скромным тихоней? Аркаша ни в коей мере не походил на этого гипотетического скромнягу. Он привлекал всеобщее внимание яркой внешностью и демонстративной раскованностью манер.

Танцы следовали один за другим, но Аркадий и не ду-

мал останавливаться. Он танцевал самозабвенно, с наслаждением, нашептывая партнерше комплименты, от которых ее бросало в дрожь. Жора спрыгнул со своего наблюдательного пункта и подошел к ним, поставив на асфальт Катину сумку.

– Простите, ребята, но мне пора баиньки. Вот ваш мешок в целости и сохранности. Веселитесь, танцуйте, а я покидаю этот праздник жизни. Доброй ночи и счастливых свершений! – он ехидно, как показалось Кате, усмехнулся. – Завтра увидимся на пляже.

– А як же! Обязательно увидимся! Куда ж мы денемся? – хохотнул в ответ Аркаша.

Катя смотрела в спину своей последней надежде, легкой спортивной походкой уносящей ее шанс на спасение. «Никто, кроме него, не справился бы с уродом», – обреченно думала она, наблюдая за расслабленной грацией Жоры. Мысль о возможности превращения этого ленивого усатого кота в свирепого, беспощадного хищника почему-то не оставляла ее. Ростом он был ниже южанина, но так убедительно переливались мышцы под светлым трикотажем рубашки, так обещающе пружинил легкий коварный шаг...

Но он уходил от нее, ни разу не обернувшись, оставив в полном распоряжении незадавшегося сына юриста и главврача.

Глава 8. Кефирный шанс

Культработница зычно объявила в мегафон белый танец, призвав отдыхающих дружно проследовать в столовую после его окончания. Зазвучала драматическая мелодия танго, и дамы устремились к кавалерам, спеша обогнать возможных конкуренток. Аркаша вложил сумку в Катину руку:

– Идем, пусть без нас дотанцовывают.

Они неспешно шли по аллее, держась за руки, словно влюбленная парочка. Голубоватый свет фонарей освещал задумчивый фараонский профиль. Аркадий вдруг остановился.

– Кать, ты, наверно, за монстра меня приняла? Да? За салюту? Извращенца какого-нибудь? Боишься меня? – неожиданно мягко, даже проникновенно спросил он. – Зря, Катюх. Мне не катит, чтобы ты боялась. Никакой я не монстр и не садист. Я специально тебя запугивал. Просто не знаю, как с тобой надо. Добровольно-то не согласилась бы? Ведь нет? – Он вздохнул и задушевно продолжил – Мне приличные бабы редко попадаются. Только дуры одни или дешевки. И местные надоели до черта, тоже дуры набитые. А мне хочется нормальную женщину, чистенькую, умненькую, вроде тебя, Кать. Но такие со мной не свяжутся, если не заставить...

У нее мелькнула одна мысль... Она заметила, что танцы как-то странно подействовали на Аркашу, слегка отрезвив и

немного очеловечив. Катя решила рискнуть...

— Ну, почему ты так считаешь? — улыбнулась она. — Уверена, тебе не составляет труда понравиться любой девушке. Ты же потрясающе красив, Аркадий. Разве тебе это неизвестно?

— Вообще-то догадываюсь, что я ничего парнишка, — Аркаша самодовольно ухмыльнулся. — Но я ж понимаю, что не совсем такой, как надо. Я болен и знаю это. Но я лечусь, ты не думай. Сорвался вот, правда. Но сегодня пить больше не буду, обещаю. И я жрать ужасно хочу, с утра крошки во рту не было, кроме мороженого этого проклятого и коньячищи. — Он дотронулся до ее плеча, заглянув в глаза. — Ты вот сейчас смотришь на меня и думаешь что этот козел со мной сделает?

Чем заставит заниматься? А я ничего особенного от тебя не хочу. Хочу просто полежать рядом, поласкать тебя, погладить. У тебя кожа обалденная, шелковая. И вся ты нежненькая такая, свеженькая, глазастьенькая. А насиловать я не люблю. Кайфа от этого не ловлю. Ты, главное, не сопротивляйся. Не ори и не дергайся. Дай понаслаждаться, как человеку, и сама получи удовольствие. А мужик я неплохой, ублажить сумею. Поняла меня?

Катя слушала, глядя под ноги. Она подняла голову и в упор взглянула на него.

— Аркадий, давай начистоту. Верь не верь, но я запала на тебя с первого взгляда. Как вошла, так и остолбенела. Вспомни, ведь народу в кафе совсем не было, а я села именно за

твой столик. Но, согласишься, ни одна приличная женщина не может подойти к незнакомому мужчине и сходу признаться, что он ей приглянулся и она готова, хоть сейчас ему это доказать. Не так я воспитана. И я сделала то, что женщине в таких случаях позволяют приличия. Подсела к тебе, мы познакомились, разговорились, решили вместе искупаться. Я радовалась, что ты тоже не остался ко мне равнодушен, и все так неплохо у нас началось. Но потом ты как-то странно повел себя...

– Не врешь? – недоверчиво перебил он ее. – Правда, что ль, приглянулся?

– Не вру, чистая правда! Ты ведь необыкновенно хорош, Аркадий. Лицо у тебя такое... необычное, как на старинной монете, тонкое, одухотворенное. И рост, и фигура. И раз ты честно признался, что просто пугал меня и ничего ужасного сделать со мной не собираешься, то и я теперь могу откровенно сказать ты мне нравишься, и я готова это доказать. Но есть одно «но», для меня очень и очень важное. Мне нужен комфорт. Необходим! Ну, простыни, полотенца чтоб чистые, постель нормальная. И обязательно душ! Вода горячая, гель и все такое. Если действительно хочешь, чтобы все у нас получилось, лучше подумай, где найти такое местечко? Неужели считаешь, что в кустах или с голым задом на грязной гальке я удовольствие получу и тебе его доставлю? Из этого ничего не получится, мой милый. Я так не умею и не смогу. Если бы ты не запугивал меня целый день, а сразу так по-доб-

рому, по-человечески со мной поговорил, то мы еще днем могли ко мне в номер пойти. Там и постель, и полотенца, и вода. А сейчас поздновато. Даже если через охрану прорвемся, соседка у меня несговорчивая. Так что, придумай что-нибудь, ты же мужчина. А я согласна...

Она понимала, что ведет рискованную игру, но ничего другого ей не оставалось, и не использовать этот шанс было бы глупо. Место, на которое она намекала, могло оказаться гостиницей или мотелем. Наверняка, среди бесчисленных Аркашиных знакомых есть работники подобных заведений. Маловероятно, что они откажут в гостеприимстве популярному земляку. А из уважения к его известным родителям, вполне могут предоставить номер в долг. Вряд ли в людном цивилизованном месте Аркаша решится на крайности и сотворит что-то безобразное. По крайней мере, шанс остаться в живых у нее появится. На мгновение в голову пришла мысль, что он может повести ее к своим мерзким друзьям, о которых восторженно повествовал, потягивая коньяк, и тогда ее авантюрный план обернется катастрофой. Но Катя надеялась на лучшее.

Аркадий внимательно выслушал ее и задумался. Минутами он останавливал на ней пронизывающий синий взгляд, но ее уверенный тон и искренняя интонация явно подействовали. Он сосредоточено потер лоб рукой.

– Ладно, будь по-твоему, – решительно сказал он. – Мы ко мне сейчас пойдем. Здесь недалеко. У нас собственный

дом, а у меня отдельный вход. Предки для своего спокойствия проделали. Там все, что тебе надо – и душ, и полотенца. Но запомни, – он вновь поднес к ее лицу гигантский кулак, – пикнешь, убью! У нас сейчас родственники гостят, и родители спят прямо за стенкой. Перегородка тонкая и слышимость...

– У вас гости? Удобно ли? – изобразила смущение Екатерина. – Кто они? Много их?

– Да нет, одна семья. Тетка и дядька с Урала, и племянка моя, нездоровая девчонка. Ее привезли подлечиться к матери в санаторий.

– Не беспокойся, – Катя соблазнительно улыбнулась, – от меня звука не услышишь. Смотри за собой, а я за себя спокойна. Охать и ахать не буду, обещаю.

«Вот то, что надо. Люди! – подумала она. – А он, оказывается, боится родителей. Это же удача! Они будут за стенкой. Даже если ударит, убить не успеет».

Быстро нарастающий, непонятного происхождения звук раздался в конце аллеи. Что-то громко шуршало, скрипело, стучало за их спинами. Аркадий и Катя испуганно оглянулись. Прямо на них неслись люди с остервенелым выражением на лицах. Непонятные звуки, разорвавшие ночную тишину, издавали их шаркающие об асфальт подошвы, цокающие каблуки и громкое прерывистое дыхание. Они проносились мимо, оттеснив парочку к обочине. Аркадий с ужасом наблюдал безумный забег.

– Что это? Куда они? – нервно дрожа и впившись в ее руку, спросил он.

– Это кефир, – ответила Катя, уже поняв, что происходит.

– Кефир? Какой кефир? При чем здесь кефир? – Аркаша провожал испуганным взглядом проносящихся мимо и исчезающих за поворотом людей.

– Аркадий, – ласково сказала Катя, – разве ты не знаешь, что в санаториях существует пятое питание – кефир перед сном? Ровно без пятнадцати одиннадцать в нашей столовой можно выпить стакан кефира для хорошего пищеварения.

– Да-а? И ты можешь? – Аркаша понемногу успокаивался. – Ты тоже хочешь кефира? Ты любишь кефир?

– Ненавижу! – воскликнула она. – Терпеть не могу!

Катя не испытывала к кефиру ни ненависти, ни особой любви, и вполне могла выпить стакан на ночь, что иногда и делала, но интуиция подсказала ей, что в данный момент лучше категорично отречься от невинного напитка.

– А я бы выпил стаканчик, – виновато сказал Аркаша. – Я кефир обожаю. К тому же жутко хочу есть. – Он потянул ее за руку. – Пойдем, отдашь мне свою порцию.

– Да меня стошнит от одного только вида этого кефира! Нет уж! Иди сам и пей, сколько хочешь!

Катя уже поняла, что интуиция не обманула ее, и что настал, наконец, ее настоящий шанс. За весь сегодняшний день он был первым и, скорее всего, последним, как у разведчиков, которым, как она слышала, тоже дается судьбой един-

ственный шанс на спасение в самой проигрышной ситуации. Но мысли о разведчиках были ей сейчас не под силу. Она просто явственно ощутила милосердно протянутую кем-то руку помощи и собиралась воспользоваться ею во что бы то ни стало. Если ей повезет, уже через несколько минут она сможет отделаться от полоумного маньяка. Она внутренне собралась, сознавая, что переиграть сейчас было бы непростительно и равносильно провалу. Стараясь выглядеть естественно, она даже улыбалась своему мучителю по дороге в столовую. Они остановились под пальмой напротив входа с колоннами.

– Там еще мягкий хлеб выносят. Прихвати для меня кушочек, – невинно попросила она.

Узкий лаз в пищеблок только с одной, как водится, открытой дверью всасывал в себя любителей кефира небольшими группами, толпящимися у входа. Одновременно в обратном направлении протискивались по отдельности личности, уже вкусившие кисломолочное лакомство. Вновь подоспевшие отдыхающие топтались у входа, сбиваясь в следующий коллектив жаждущих пятого питания. Когда количество его членов достигало некоей критической массы, непонятная сила всасывала его внутрь. Не успевшие примкнуть к счастливицам, сбивались в новую группу.

Катя уловила последовательность и периодичность происходящего еще по пути к столовой, а стоя под пальмой, убедилась, что верно подметила эти повторяющиеся закономерности.

сти. Именно им отводилась главная роль в ее изменившемся плане.

«Пара минут, чтобы войти, минута – на принятие продукта, и еще чуть-чуть, чтобы выйти, преодолевая напор очередной всасываемой группы», – быстро подсчитывала она.

– Я совсем тебе там не понадобится, – твердо сказала Екатерина, заметив неуверенность в синих глазах. – Ты можешь выпить не один стакан, а сколько захочешь. Иди и подкрепись, раз голоден.

– Правда, ужасно голоден, – утвердительно кивнул Аркаша. – А меня не турнут? Я ведь чужак здесь.

– По-твоему, работники столовой всех санаторских знают в лицо? – Она нашла в себе силы доброжелательно рассмеяться. – Они вывозят на тележках стаканы с кефиром и подносы с хлебом, а сами идут за следующей партией. Иди и не волнуйся. Поторопись, а то не хватит. Вон, сколько желающих на подходе...

Они оглянулись на не редящие ряды отдыхающих, спешащих по аллеям с разных сторон парка.

– А как же ты?

– А я подожду тебя здесь, под пальмой.

Она поставила сумку на землю и доверчиво взглянула на него, захлопав ресницами. Впервые за весь день Аркаша отпустил ее руку. Он вдруг нагнулся, содрал сарафанную бретельку и впился зубами в ее плечо. Катя вскрикнула, но нежно заулыбалась, встретив его настороженный взгляд.

– Кисуль, я быстренько. Махну пару стаканов и айда! Хоккей?

Он притянул ее к себе и, как клещ, присосался к месту укуса. Катя вздрагивала от боли, а Аркаша глухо мычал. Наконец, он закончил с плечом и удовлетворенно потрогал пальцем багровое пятно. Лицо его выражало откровенное удовольствие, глаза горели безумием.

– Залюблю! Я сегодня в ударе, – радостно сообщил он, вернув бретельку на место. – Ну, я пошел?

– Конечно. И води себя уверенно, будто сто лет здесь отдыхаешь, – невозмутимо напутствовала она Аркашу.

Он отошел на шаг и оглянулся. Катя безмятежно улыбалась, незаметно потирая онемевшие пальцы. Статичная композиция из пальмы, женской фигуры под ней и сумки, устало развалившейся до земли, изображала готовность к недолгому, приятному ожиданию. Она приветливо подняла руку и веселыми глазами указала на вход, где почти сформировалась очередная группа кефирных страдальцев. Аркаша помахал в ответ и повернулся к ней спиной...

При виде этой плоской, обтянутой в голубое спины страстное, неподвластное рассудку желание овладело ею – бежать!

Бежать, не раздумывая и не рассчитывая. Как можно быстрее! Дальше! Но, собрав всю выдержку, на которую была способна, она с невероятным трудом справилась с ним. Сдержалась непостижимым образом, сообразив, что если

Аркаша обернется еще раз и не досчитается главного элемента в композиции, то в два прыжка догонит его, и тогда последствия предсказуемы.

Она рассчитали все до секунды. Все должно начаться ровно в тот миг, когда зажатый со всех сторон кефирными фанатами Аркаша исчезнет в дверном проеме. А за это время надо многое успеть. На счет раз – расстегнуть пряжки на ремешках, стягивающих щиколотки. На счет два – снять босоножки и бросить их в сумку. Нужной скорости на каблучках не набрать, а жилой корпус не так уж и близко. Потерять несколько секунд на эти дурацкие пряжки просто необходимо, иначе слишком велик риск вновь оказаться рядом с маньяком. Итак, бежать предстояло ей босиком.

На счет три – схватить сумку, оторваться от земли и взлететь! В мыслях она именно летела. От толстых колонн у входа в безвкусное строение, расплывшееся от многолетнего обжорства. От его стен, желтеющих в темноте с ложной невинностью бройлерных цыплят. От отблесков фонарей в мертвых глазницах террас. От ненавистной пальмы, от головы мумии из пересохшей кости...

Только бы не выскочить из-под пальмы раньше времени, как перенервничавший на старте спринтер, сорвавшийся на фальстарт, не способный привести к победе.

Глава 9. Побег

Аркадий сделал несколько шагов и действительно оглянулся, разыскав Катю глазами. Он явно успокоился, увидев, что ничего не изменилось – она стояла там, где он оставил ее, и улыбалась почти влюбленно. Его плечи утонули в толпе, но голова еще возвышалась над ней. Катя не сводила с нее взгляда, дрожа от возбуждения, боясь пропустить точку отсчета. Уже у самой двери он обернулся еще раз и прощально кивнул. И, наконец, исчез, подобно куску нечистот, втянутому в водоворот мощным вантузом невидимого сантехника.

На счет «раз», Катя наклонилась. Но пряжки почему-то заело, и они не расстегивались. Тогда, в кровь раздирая кожу, она стащила босоножки через пятки, не нарушив временных нормативов. На счет «два» бросила их в сумку, а на счет «три», набрав воздуха в легкие, уже неслась по ночной аллее. Клеенчатая сумка волнорезом разрывала ряды отдыхающих, неспешно завершающих утомительно жаркий день вечерней прогулкой.

Казалось, что бежит она слишком медленно и нужная скорость ею так и не набрана. Огни жилого корпуса приближались недостаточно быстро, а освещенный вход в спасительное пристанище вообще решил не показываться из-за бесконечной ленты высокого кустарника вдоль узкой дорожки. Ужасом окатывали предположения, что она ошиблась с рас-

четами и отпущенное ей время давно закончилось. Аркаша уже летит за ней огромными прыжками и вот-вот настигнет...

Она успевала о многом передумать, тревожно вслушиваясь в звуки за спиной и, казалось, улавливала знакомый скрип подошв. Все происходящее напоминало ночной кошмар, когда необходимые по динамичному сюжету движения непростительно медленны, но ускорить их невозможно. Наконец, освещенный козырек подъезда все же нарисовался, и она сделала рывок...

Провожаемая изумленными взглядами знакомых и незнакомых, Катя влетела в холл. Вальяжно рассеявшаяся за столом охрана узнала ее и пораженно застыла. Бравый старик с военной выправкой приподнялся со стула, а бабка со злыми глазами отложила вязание. Краткого взгляда на табло было достаточно, чтобы понять – все три лифта застряли на верхних этажах. С мечтой о мгновенном взлете на шестой этаж пришлось проститься. Не разбирая дороги, она рванулась к лестницам и, перешагивая через несколько ступеней сразу, начала бег-подъем по неосвещенным проемам. Она не заметила, как проскочила второй этаж, но, поднявшись до третьего, с ужасом поняла, что силы исчерпаны полностью и бежать дальше она не в состоянии. А вызвать лифт и ждать, когда выглянет из кабинки злобно ухмыляющаяся мумия, было невыносимо жутко. Что стоило Аркаше проникнуть в корпус? Вдруг отставник у входа или бабка с юркими глазами –

соседи, родственники или благодарные клиенты его родителей? Она сама сегодня убедилась, что редкая собака в городе с ним не знакома.

Тяжело дыша, Катя быстро шла по коридору третьего этажа, успевая разглядывать наддверные таблички, и внезапно остановилась перед номером «триста двенадцать». Что-то знакомое почудилось ей в этих цифрах. И вдруг вспомнила именно их называл Виталик, приглашая Тасю на вечерний бокал вина.

Она приложила ухо к замочной скважине и услышала музыку и женский смех. Бросив сумку, Екатерина забарабанила в дверь обеими руками. Удивленный Виталик открыл. Она грубо оттолкнула его и, закинув ногой сумку, ввалилась в тамбур. Захлопнула дверь, дважды повернула ключ и, зажав его в кулаке, опустилась на колени. Опираясь руками о пол, поспешно пересекла комнату в направлении к лоджии. Легла на живот и быстро вползла туда под изумленными взглядами трех онемевших женщин на диване. Крепко сжимая ключ, она приникла к бетонному полу и прижала лицо к щели под балконным щитком. Волновало ее только одно Аркаша уже в корпусе? Или еще бежит, не обнаружив ее под пальмой?

– Ты чего, Катюх? Что случилось-то? – раздался откуда-то сверху голос Виталика. Она повернула к нему бескровное лицо с огромными глазами:

– Тссс! Не произноси вслух мое имя.

Виталик присел на корточки, и она в двух словах поведала

ему произошедшее.

– Да ну? Во, дела! – удивился он. – А мы-то решили, что дождалась наша Катька своего ненаглядного. Еще восхищались все, какого красавчика оторвала. Ну, пойдем в комнату, чего ты здесь разлеглась? Выпей винца, сними стресс, подруга.

Но Катя приложила палец к губам и вновь повернулась в сторону щели. Ей послышался знакомый отрывистый скрип.

– Виталь, поднимись во весь рост и постой немного, – прошептала она. – Тебя он не знает и ничего не подумает, если заметит. Рассказывай, что происходит. Ничего не видишь? Никто не бежит?

– Да нет вроде. В Багдаде все спокойно. Старперы наши моционят перед сном в парке Чаир. – Виталик наклонился над перилами, вглядываясь в темноту, и вдруг замолчал.

Не оборачиваясь, он приглушенно произнес – Атас. Лежи тихо, бежит...

Она и сама уже рассмотрела сквозь узкую щель огромные прыжки длинных ног, обтянутых синими джинсами. Головы и выражения лица видно не было, а только эти сильные кривоватые ноги в дорогих кожаных ботинках, несущиеся к подъезду и молниеносно скрывшиеся в нем.

– Все! Вошел! Вернее, влетел, – комментировал Виталик, – сейчас вылетит обратно! Наш унтер выставит его в два счета. Героический старикашка! Вот, сейчас, сейчас...

Но время шло, а Аркадий не появлялся. Это означало

только одно – он в корпусе! Несется по шестому этажу. Вот, он перед ее дверью. Стучит. Ничего не подозревающая Тася открывает...

– Он знает твой номер? – напряженно спросил Виталик.

– Да... ой, нет! Не знает! – обрадовалась Катя единственному за сегодняшний день умному поступку. Аркадий несколько раз интересовался, где именно она устроилась в этом громадном здании, но она не ответила. Не назвала ни этаж, ни номер, даже не сказала, на море или в парк выходят окна.

– Будем надеяться, все обойдется, – неуверенно заметил Виталий. – Не будет же он обшаривать все номера с первого до последнего этажа? По крайней мере, не сегодня. Да и корпус скоро закроют.

Они прошли в комнату. Три незнакомых женщины затихли на широком диване, с любопытством разглядывая Катю.

Виталик усадил ее в кресло и достал из холодильника запотевший графин.

– Подкрепись, – протянул он ей стакан красного вина, – а я спущусь и поговорю с охраной. Должны же они знать, к кому он тут намылился, на ночь глядя. А вы, дамы, посидите немного взаперти, я вас закрою, – обратился он к гостям.

Катя жадно пила ледяное вино. Виталик осторожно разжал ее кулак и вытащил раскаленный ключ.

Женщины возбужденно расспрашивали о случившемся. Интересовались, где и как Катя познакомилась с Аркашей,

припоминали аналогичные случаи с другими женщинами, связавшимися с этими опасными местными, горячо сочувствовали или делали вид. Дверь хлопнула, и деловито вошел Виталик.

– Он в холле. Базарит с охраной. Унтер молодцом оказался – дальше первого этажа не пустил и сегодня уже не пустит. До утра ты в безопасности. Пойдем, я провожу тебя по служебной лестнице, а дамы и сами доберутся.

– В каком он виде? – тихо спросила Катя.

– Ничего особенного, только морда красная. Запыхался, стайер хренов. И глаза чумовые – бегают по всем входящим-выходящим.

Тася заждалась соседку. Она взволнованно слушала Катю, ахала и охала, сокрушалась и причитала. Девушки проговорили за полночь, убеждая друг друга, что самое страшное позади и утро вечера мудренее. А завтра со свежей головой они обдумают, что делать дальше. Катя не нашла в себе сил на поход в душ и, отложив гигиенические процедуры до утра, провалилась в глубокий сон.

Ей приснился курящий Евгений, хотя в жизни он не курил.

Окутанный дымом, он сидел в кресле-качалке, постукивал по сигарете указательным пальцем и стряхивал пепел на пол.

С недовольным лицом он монотонно бубнил, что несколько не удивлен свалившимися на нее неприятностями. Что за

столько лет она могла бы уже убедиться, что жить без него не сможет и не должна пытаться. «Вот что получается, Котик, из дурацких бабьих инициатив, – презрительно выговаривал он. Катя что-то возражала в ответ, но он вдруг противно зашипел – ДоЖдеШься, глупыШка-малыШка, подреЖут крылыШки птаШке и перыШки с туШки повыЩиплют». Каким-то непонятным образом он стал походить на Аркашу, и она перестала различать, с кем из них ведет этот диалог...

Глава 10. Заточение

Утро началось раньше обычного – в дверь кто-то барабанил. Прокурорша, любящая поплавать на заре, увидела в холле Аркадия. С воспаленными глазами он сидел за столом охраны и пристально рассматривал редких утренних купальщиков. Зина решила, что вчерашний вечер закончился супружеской ссорой, муженек получил ночную отставку, а теперь поджидает супругу для выяснения отношений. Подходить к нему она не стала, поскольку представлена не была, но Катю, на всякий случай, посчитала нужным предупредить. Соседки переглянулись и, перебивая друг друга, поведали историю с Аркашей, объяснив причину его явления в холле первого этажа.

Зина недоверчиво слушала, поглядывая на Катино плечо, с которого сползла шелковая бретелька ночной сорочки...

– Кать, скажи честно, у тебя с ним было?

– Что ты имеешь в виду? – удивилась Екатерина.

– То и имею. Переспала с ним?

– Зин, ты в своем уме? – опешила Катя. – Ты что говоришь-то?

– А то и говорю. Если да, то тебе от него не отделаться. Один раз получилось, почему не повторить? Это ж менталитет такой у местных. Знаю, имела дело по работе. Смотри сама – или будешь с ним до конца путевки, или драпай домой.

– Я должна ехать домой, если не собираюсь спать с ним? Как это? – растерялась Екатерина. – Я всего вторую неделю отдыхаю. Неужели не отстанет?

– Может и отстанет... – Зинаида многозначительно помолчала. – Только сначала физиономию тебе подправит. Подстережет где-нибудь и отделает за милую душу. Иди потом, жалуйся, если живой останешься. Ты человек приезжий, временный, а он, как поняла, широко известен в нужных кругах. И папаня с мамкой не последние люди. Отмажут, как пить дать! А ты лечись потом, выправляй инвалидность.

– Что же мне делать? – в отчаянье воскликнула Катя. – Билеты менять и домой ехать? Я с таким трудом путевку достала, так о море мечтала...

Картина возможного развития событий, нарисованная прокуроршей, испугала Тасю.

– Зинуль, ты в таких делах человек опытный. Неужели, нет других вариантов, кроме бегства?

– Ладно, не паникуйте раньше времени, – важно молвила Зинаида. – Если после завтрака не исчезнет, так и быть, зайду в местное отделение, представлюсь по всей форме, посмотрю, что скажут. Наверняка, сталкивались с подобным. Курортный город! Должны знать, как разруливать такие ситуации. А ты носа из номера не высовывай, – повернулась она к Кате. – Поесть принесем. Он нас не знает. Если и увидит женщину с подносом, не поймет – кому. Мало ли, может, заболел кто или на солнце перегрелся.

Александра Даниловна принесла завтрак – холодную перловую кашу и рыбу с остывшим картофельным пюре. Катя ограничилась теплым какао и куском хлеба с желтым растаявшим маслом. Даниловна, подперев щеку, наблюдала за скудной трапезой.

– Правильно, Катюша, на море сегодня не ходи. Обед я принесу.

– Он там?

– Там. Сидит, глазеет по сторонам. Может, у Зины будут хорошие новости? Она зайдет в тихий час и все расскажет. Что-нибудь придумаем, не волнуйся.

Катя осталась одна. Она закрылась на ключ и прошла в комнату. Около одиннадцати в окно заглянул слепящий солнечный луч. Оказалось, что солнце гостило в номере с этого часа и до заката. Вскоре дышать стало нечем. Светлые шторы, такие симпатичные по вечерам, не спасали от солнца, быстро нагревшего небольшое помещение. Температура явно превысила тридцатиградусную отметку. Открыть дверь в коридор и устроить сквозняк Катя побоялась. Вдруг Аркаша уговорил охрану и сейчас крадется по этажу, заглядывая в двери номеров...

Она вошла в ванную и включила холодный душ. Умылась и намочила голову. Постояла, слушая шум льющейся воды и жадно лоя губами брызги, потом настежь распахнула дверь душевой и вернулась в комнату. Она легла на постель в надежде, что в таком положении жара менее ощутима. Но го-

горизонтальная позиция ничего не изменила. По мере приближения обеденного часа жар все усиливался, растекаясь по номеру горячими волнами. Екатерина вышла на лоджию. В первый момент показалось, что на улице прохладней, но впечатление обмануло. Солнце не только жгло, но и слепило. Хотелось поскорее спрятаться в тень. Она вернулась в комнату, разогретую до температуры духовки, и вновь поплелась в ванную. Приняв холодный душ и завернувшись в простыню, села на пол в крохотном тамбуре между комнатой и душевой. Но разъяренное светило доставало и сюда. Ощущение свежести прошло через несколько минут, и все началось сначала лоджия – душевая – тамбур. Катя так измучилась, что появившиеся с подносом все три ее приятельницы показались ей самыми лучшими женщинами на свете. Она так обрадовалась им, что даже прослезилась. Даниловна озабоченно взглянула на нее и отвернулась.

– Кать, нечем тебя порадовать, – начала Зинаида. – Была я в милиции. Ничего путного они не обещают. Он ведь не тронул тебя?

– Да нет, ничего такого. Рука вот только...

Катя показала Зине посиневшее запястье, повыше подтянув ворот халата. Почему-то не хотелось демонстрировать прокурорше еще один след, оставленный безумным Аркашей.

– Представь, этот сукин сын им прекрасно известен. Я только о внешности заикнулась, а они сразу поняли, о ком

речь. Величают его Корниленко Аркадием Геннадьевичем. Знают его, как облупленного, поскольку с молодых юных лет состоит паренек на учете в милиции, а также в психо— и наркодиспансерах. Но пока вязать его не за что, так как он не нанес тебе физического ущерба, а только пугал.

— Но Зиночка, что же получается? Катенька должна ждать, когда он ей физическую травму нанесет? Ведь он и убить может! — возмутилась Александра Даниловна. — Такой если ударит, мокрого места не оставит. Видела я сегодня ручки его страшные. Девушка отдыхать приехала, не думала, не гадала, а тут такая история...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.